

Олег
ВОЛХОВСКИЙ

ИНЫЕ

18+

Олег Волховский

Иные

«Автор»

2026

Волховский О.

Иные / О. Волховский — «Автор», 2026

Загадочные мутации превратили часть населения Земли в Иных: высших существ, способных решать в уме сложнейшие математические задачи и убивать на расстоянии усилием воли. Все остальное человечество Иные рассматривают как рабов, ненужный генетический хлам и видовых конкурентов. Сопrotивляться установлению на планете строжайшей иерархической диктатуры телепатов практически невозможно, однако даже в этой безнадежной ситуации находятся люди, которые продолжают сопротивляться - просто из принципа. Все они терпят поражение, но эти поражения важнее побед тех, кто их уничтожает. Это не роман о монстрах. Это роман о логике, доведённой до конца, и о том, что в человеке не поддаётся никакой логике.

© Волховский О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Право убивать	6
1. Обреченные	14
2. Взломщики	25
3. Эксперимент	30
4. Homo passionaris	34
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Олег Волховский

Иные

Встретишь Будду – убей Будду,
встретишь патриарха – убей патриарха,
встретишь святого – убей святого,
встретишь отца и мать – убей отца и мать,
встретишь родича – убей и родича.
Лишь так достигнешь ты освобождения от оков греховного мира.
Линь-цзи

Пролог. Право убивать

Мне было плохо, как никогда: голова раскалывалась, то и дело накатывали приступы удушья, и комната плыла перед глазами. Выпил обезболивающего. Не помогло. В два часа ночи решил вызвать «Скорую». Проблема дотянуться до телефона! Бросил. Ладно. Хрен его знает, что это такое, а у них инфарктов полно. Выживу!

К утру мне стало легче.

Встал. Шатаясь, подошел к зеркалу. Вид изнуренный. Запавшие воспаленные глаза. Синие круги вокруг. Полуфабрикат для гроба, покойник без ретуши. И что-то новое в облике. Не могу понять что. Я и не я.

Позвонил на работу: «Меня не будет». И после обеда смог выползти на улицу.

Над Москвой разливался закат. Пылали облака. Я гулял сначала по Тверской, потом свернул на бульвары.

Голова работала совершенно отдельно от ног и в бешеном темпе. Я стал вспоминать свою жизнь во всех подробностях. С датами. Все, что когда-то учил в школе и институте. Шквал информации. Казалось забытой. Нет! Только полустертой и способной к восстановлению. Мозг, словно зеркало, с поверхности которого кто-то стирает многолетний слой пыли. А где-то на периферии сознания мысль о том, что я – скорее всего носитель неизвестного вируса, и болтаться в толпе крайне безответственно с моей стороны.

Я обалдел от удара и едва удержался на ногах. Какой-то мужик устремился к автобусной остановке, не замечая ничего на своем пути, и налетел на меня со всей дури. Это его не смутило. Не подумав извиниться, помчался дальше к закрывающему двери автобусу.

– Мать!

Что я так взбеленился?

Я смотрел на его спину, когда он карабкался на ступеньку. И вдруг совершенно четко увидел его сердце: бьющийся красный ком. Вот артерия. Я не знаток анатомии, но слишком ярких школьных воспоминаний вполне хватило. Я пережал ее. Точнее представил, что пережал. Руки моего оскорбителя разжались, и он упал навзничь рядом с отходящим автобусом.

Я схожу с ума!

Автобус проехал еще метров пять, но все же остановился. Вышел шофер. Высыпали несколько сердобольных женщин.

Пострадавший лежал на земле. Бледные полуоткрытые губы. Остановившиеся глаза смотрят в небо.

Если два события следуют одно за другим – это еще не значит, что между ними существует причинно-следственная связь.

Я успокаивал себя.

Женщины набросились на шофера. Непечатно.

– Да не рванул я вовсе! – оправдывался он. – Я вообще медленно ехал!

– Надо вызвать «Скорую», – сказал я и предоставил сотовый. Дождался, чтобы услышать «Поздно!» и «Скорее всего, сердечный приступ».

Домой не пошел. Не было сил. Скитался по бульварам.

Сороки прыгали возле ограды. Я посмотрел на одну внимательнее. И увидел сердце. У нее тоже была артерия. Пережал. Птичка повалилась набок, потом на спину кверху лапками. Проверка удалась. Но я знал, что отойду от этого места метров на десять и снова начну сомневаться.

Я либо сумасшедший, либо убийца.

К утру я обнаружил себя на Чистых Прудах. Несмотря на апрель, мне совершенно не было холодно. Ночью случилась еще пара приступов, но я перенес их легче. Правда, к прочим радостям добавилась рвота.

Вконец обессиленный я опустился на скамейку. В воде пруда отражалось светлеющее небо. Время от времени за спиной проезжал редкий автомобиль. Я полужакрыл глаза.

– Уже убили кого-нибудь?

Я чуть не подпрыгнул на месте.

Человек, который подсел ко мне был гладко выбрит и хорошо одет. Взгляд серых глаз холоден и внимателен.

Он слегка улыбнулся.

– Не беспокойтесь, я не из милиции. Да вы и сами прекрасно понимаете, что ничего невозможно доказать.

– Кто вы?

– Я проследил за вами от той самой злополучной остановки. Нам сообщают обо всех случаях смертей, которые кажутся сколько-нибудь странными.

– Кому вам?

– Последние несколько дней вы плохо себя чувствовали. Жар? Удушье? Головная боль? Так?

Я промолчал.

– Та-ак... – протянул он. – У меня есть средство от вашей болезни.

– Вы врач, иммунолог?

– Я врач, и не только. Я сам переболел тем же самым. И все мы.

– Это проходит?

– К счастью нет.

– К счастью?

– Успокойтесь. Симптомы проходят. И мозги становятся на место, – он усмехнулся. – На правильное место. А все прочее остается.

– Значит, вы можете убить меня прямо сейчас?

– Вас с трудом. Так же, как и вы меня. Хотя я, возможно, несколько искуснее. Но убийство не входит в мои намерения.

Он встал.

– Пойдемте. Если вам сейчас не помочь, это может очень плохо для вас кончиться.

У него оказался вполне приличный автомобиль. «Мерс», хотя и не самой последней модели. Я наслаждался мягкостью хода. Мы ехали куда-то за город, по Рязанскому шоссе. Он сам вел машину, а я изучал его руки, стараясь угадать истинную профессию. Узкие руки с длинными пальцами.

– Я врач, – повторил он. – Психиатр. Хотя последнее время даю консультации вполне здоровым людям. А вы, если не ошибаюсь, микробиолог?

– Вы и это знаете?

– Теперь знаю.

– Вы исключительно догадливы.

– Вы тоже скоро научитесь.

– Это, что, осложнение?

– Скорее упрощение... Кстати, мы не представились.

Он убрал с руля и протянул мне руку.

– Андрей.

И, не дождавшись ответа, добавил:

– Очень приятно, Олег.

Я не знал, насколько мне приятно. Я ехал хрен знает куда с хрен знает кем. Утешало одно: взять с меня нечего, тем более владельцу «Мерседеса». У нас в науке все равно ни фига не платят, будь ты хоть семи пядей во лбу.

Я три года проторчал в Германии, заработал себе на однушку в Марьине, но остаться у немцев не смог. Однако ностальгия. Не верил в нее никогда, а вот на тебе! Задрал немецкий.

– Это тоже пройдет, – сказал Андрей.

– Что?

– Ностальгия. Нам все равно, где жить. И сложности с языками.

– Андрей, вы, может быть, проясните ситуацию? Что со мной происходит?

– Нам это еще не совсем ясно. Мы исследуем процесс.

– А я в качестве подопытного кролика?

– В том числе. Мы все через это прошли. Но ничего ужасного: анализ крови, некоторые тесты. Это вас не обременит. И главное постоянный медицинский контроль и спокойная обстановка.

– Бесплатный санаторий?

– Не совсем бесплатный. Скорее за счет фирмы.

Мы съехали с шоссе и миновали небольшой сосновый бор. С обеих сторон потянулись капитальные заборы, над которыми возвышались двух-трехэтажные кирпичные дворцы на здоровенных участках с корабельными соснами. Мы притормозили у глухого забора высотой метра в три. Ворота плавно отъехали в сторону. Я взглянул на имение. Дворец был огромный и построенный явно не без участия архитектора. Санаторий обещал быть пятизвездочным.

К нам навстречу вышел еще один персонаж: аккуратный, хорошо одетый молодой человек. Взглянул на меня.

– Новенький?

– Тот, о ком я предупреждал, – пояснил Андрей.

– Евгений, – представился молодой человек. – Пойдемте.

– Как фирма называется? – полушутя спросил я.

– Рабочее название «Иные».

Мне предоставили комнату на втором этаже. Кровать, кресло, в котором можно утонуть, телевизор, компьютер.

– Модем есть?

– Пока, к сожалению, нет. Недели через две будет.

– Почему через две недели?

– Две недели – обычный переходный период. Иногда он проходит достаточно тяжело, и нам бы не хотелось неожиданностей.

– Переходный от чего к чему?

– К новой жизни.

– Мне надоели ваши недомолвки! Что со мной происходит, в конце концов?

– Не волнуйтесь и наберитесь терпения. Все узнаете. По крайней мере, что известно нам самим. Вы, кстати, на работу звонили?

– Отпросился на один день.

– Отпроситесь на две недели, потом уволитесь... Лучше на три, на всякий случай. Звоните.

Я достал сотовый.

– А почему я должен уволиться?

– Вы будете работать на нас.

– Киллером?

Они дружно рассмеялись. Оба.

– Помилуйте! Здесь целый дом идеальных киллеров!

Андрей улыбался, несмотря на жутковатое заявление.

– Успокойтесь, Олег. Нам нужен микробиолог.

Я позвонил. Предупредил. Сказал, что заболел. Андрей стоял рядом.

– Если хотите позвонить родственникам – звоните. Только ни слова о том, где находитесь.

– Пожалуй, несколько позже.

Андрей кивнул и протянул руку ладонью вверх.

– Дайте телефон.

– Вы хотите лишить меня связи?

– Это необходимая предосторожность. В ближайшие дни у вас наверняка будут моменты, когда вы не сможете себя контролировать. Нам не нужна огласка. Захотите позвонить – скажете.

– Так. Значит я пленник.

– Нет. Скорее ребенок, которому из страха за него не дают играть с электричеством.

– А если я буду сопротивляться?

Я внимательно смотрел на Андрея, пытаюсь увидеть сердце. Да, вот оно. Вполне обычное.

Краем глаза я заметил, что Евгений сделал шаг к нам, но не придавал этому должного значения.

– Вы не справитесь с двоими, – спокойно сказал Андрей.

Я не смирился и попытался найти у него ту самую артерию. Вот! Как у всех.

Тошнота вкупе с отвратительной слабостью. Я сел на кровать (ноги подкосились). И накаатило душу.

– Мы спровоцировали приступ, – прозвучало где-то на периферии сознания, словно изда-лека. Андрей или Евгений? По-моему, я не слышал голоса.

– Ну, это же ужасно глупо. Может быть, мы ошиблись?

– Да нет. Все мы такие в период преобразования. Даже очень адекватно.

Кто-то приложил маску к моему лицу. Анестезия? Наркотик?

Я вдохнул, и в голове прояснилось. Кислород. Стало немного легче.

Надо мной склонился Евгений.

– Ложитесь. Я помогу вам раздеться.

Он всю ночь работал моей сиделкой. Обезболивающих не давал. Кормил кислородом.

Пояснил:

– Обычные обезболивающие вам не помогут, а наркотики очень нежелательны. Они могут нарушить ход процесса. Лучше потерпеть.

Наутро я попросил у него прощения за вчерашний эпизод и передал извинения Андрею.

Он улыбнулся.

– Вы становитесь разумнее, – этой фразы он не произнес, я поймал мысль.

Лаборатория имела вид весьма пижонский и напоминала ванную комнату нового русского: дорогая плитка до потолка и немаленькие размеры. Возможно, изначально она и была ванной комнатой.

– Это частный дом?

– Да, – кивнул Евгений. – Дом одного из нас. Передан нам в полное распоряжение. Переоборудовали, завезли все необходимое для работы.

Оборудование я оценить не мог, поскольку не специалист, но, судя по блеску, и многочисленным надписям «Made in USA» оно было дорогим и суперсовременным. Кровь, однако, брали способом вполне традиционным.

– Сожмите руку в кулак. Да. Теперь медленно разжимайте.

Он запустил мне в руку иглу пластикового шприца. Только на нем не было надписи «Made in USA». Ширпотреб. Шприцы делают в Малайзии. Только синяя шкала. Под шкалой заклебилась кровь.

– Все, спасибо. Посидите минут десять, потом вы в полном распоряжении Андрея.

Андрей стоял здесь же. Они все время сопровождали меня вдвоем. Не доверяли.

– Что еще на сегодня?

– Тест на интеллект.

– Я хмыкнул.

– Это где надо кружочки в клеточках переставлять?

– Приблизительно.

Терпеть не могу эти штуки. Возможно, потому, что никогда не мог набрать столько очков, сколько бы мне хотелось.

– Да вы не беспокойтесь, – сказал Евгений. – Они у него очень легкие.

Мы поднялись в другую комнату, и Андрей положил передо мной листки с заданием.

Тест был просто смешной. Скорость его решения ограничивалась только скоростью записи ответов.

Я положил ручку и взглянул в окно: там шумели столетние сосны.

– Все? – Андрей повернулся ко мне и взял листочки. Бегло просмотрел. Кивнул. – Ну, максимум вы набрали.

– Это что тест для идиотов?

– Да нет. Самый обычный тест на IQ. Последняя американская разработка.

– Мне говорили, что американцы тупы, но не настолько же!

Андрей проигнорировал мое заявление. Взглянул на Евгения.

«По-моему, сомнений больше нет».

«Я бы все-таки подождал результатов анализа».

Они молчали. Я перехватил обмен мыслями.

– Подслушиваете? – улыбнулся Андрей.

– Простите.

– И получается?

– А в чем у вас нет сомнений?

– В том, что вы – один из нас.

– А если нет?

– Хороший вопрос. Но вряд ли. Ни один обычный человек не может набрать на этом тесте более восьмидесяти процентов, причем часа за три. Идите сюда. Вот вам лекарство от гордыни.

Он включил ноутбук и загрузил программу.

Этот тест был гораздо интереснее. Задачки, в общем, решались, но со скрипом.

– Тест экспериментальный. Не расстраивайтесь, если мало наберете.

Я увлекся. Так, что даже не отреагировал, когда мне на руку надели манжету, похожую на манжету тонометра. Я, конечно, почувствовал, но плюнул.

Андрей стоял у меня за спиной.

– Сорок процентов за час. Неплохо.

Аккуратно снял у меня с руки манжету.

– Что это такое?

– Несколько усовершенствованный детектор лжи. Меряет реакции организма на внешние раздражители. Я заметил, что от манжеты тянется шнур к другому ноутбуку.

– Ну и как мои реакции?

– Вы заработали еще один плюс.

Я жил здесь уже более недели. Приступы стали реже и легче, и я как-то успокоился.

«Я отдыхал, во мне цвела благодать»¹...

¹ Стихи Сергея Калугина.

Я когда-то много читал японцев. Читал, половину не понимая. Теперь я вспомнил все, слово в слово. То, что со мной происходило, напоминало постепенно захлестывающее меня сатори.

Я почти перестал разговаривать, научившись обмениваться мыслями. Но другие Иные больше не могли несанкционированно проникать в мое сознание: я передавал мысли, а не раскрывался. Это был один из результатов обучения. К тому же меня грузили человеческой анатомией, немного медициной и лекциями на тему «Не убий без серьезных к тому оснований».

Утро тридцатого апреля. Яркий весенний свет, заполняющий все, почти слепящий.

Я отвернулся и включил компьютер.

Здесь была локальная сеть. Мой компьютер тоже был подключен, но вход был под защитой – наконец-то, я ее сломал! Довольно тупая защита. Вопрос времени.

На экране появилась задача, напоминающая задания второго теста. Чтобы проникнуть дальше, надо было ее решить. Задача оказалась не из легких. Я промучился минут пятнадцать, но решил.

Возникла надпись:

«Добро пожаловать! Поздравляем с завершением преображения!»

Так меня просто впустили! Ладно. Значит, не надо будет не перед кем оправдываться.

Я стал читать.

Снег сошел, из-под земли выбивались белые крокусы. Я вышел прогуляться. Мне надо было переварить прочитанное.

Собственно, сам архив представлял собой сухой (и не полный) набор фактов. Один осколок пепельницы. Результаты анализов, психологических тестов, тестов на интеллект. Во второй части: истории болезни очень похожие на мою. И, наконец, несколько научных статей и описаний экспериментов. Статьи были в основном по трем темам: генетике, медицине и микробиологии. Эксперименты скорее напоминали опыты экстрасенсов.

Все это впечатляло, хотя между разделами непосвященный человек мог и не уловить связи. Имен не было. Некие коды, которые в разных частях архива не соответствовали друг другу. На первый взгляд не соответствовали. Нахождение связей напоминало задачку для Иного. И тогда материализовывался второй осколок пепельницы. Третьим было то, чему меня учили, и мои собственные ощущения. Мне казалось, что есть и четвертый.

Я стоял в дальнем углу участка. Земля здесь была мягкой и ровной. Деревьев не росло. Только крокусы. Белая поляна.

Среди результатов анализов было два, резко отличающихся от остальных. Это были обычные человеческие анализы, без характерной реакции Иного. Я бы этого не понял без местных лекций по медицине. Теперь знал. Среди тестов на интеллект тоже были два аномальных. Точнее нормальных, гораздо ниже остальных. Коды соответствовали друг другу. А еще была карта участка, разбитая на кусочки, каждому из которых был приписан код. Большинство кодов соответствовали растениям, и схема напоминала проект ландшафтного дизайнера. И только коды этого квадрата имели двойное соответствие. Я даже не сразу это понял. Так иногда трудно заметить второй случай в сложной задаче по геометрии. Кроме особого сорта крокусов, коды соответствовали тем двоим, с аномальными тестами.

Додумать дальнейшее не составляло труда. Интересно мы чувствуем мертвых? Или смерть нема?

Я стоял минут пять и ничего не чувствовал, пока в мое сознание не ворвалась яркая, как вспышка молнии, картинка.

Осень. Пожухлая трава. Ветер качает сосны. Андрей идет под руку с незнакомым мне человеком. Непринужденно разговаривает, улыбается.

Вдруг человек хватается за сердце, падает на колени, валится на бок. Андрей холодно наблюдает конец агонии. Потом махает рукой помощникам. Роют могилу, тело засыпают негашеной известью, идет пар.

Я чувствую руку на своем плече. Андрей.

«Со вторым было почти то же самое. Только не я остановил ему сердце. Я показываю свои воспоминания».

«Я понимаю».

Он кивнул.

«Мы ошиблись. Здесь две наши ошибки. Опыта не было. Все внове. Мы уже полгода не ошибаемся. Пойдемте».

До преобразования я бы отреагировал иначе. Возмутился или испугался. Теперь я был спокоен. Они поступили разумно. О нашем существовании не должны были узнать те, кто не преобразен.

В каминном зале собралось небольшое общество. Человек десять. Точнее Иных. Я знал их всех, но впервые видел вместе. Кто-то учил меня, кто-то тестировал, кто-то читал лекции. Здесь же был и хозяин дома Илья Ремезов. До преобразования – удачливый коммерсант, миллионер в двадцать восемь лет. После – еще более удачливый коммерсант, только деньги пошли не на дворцы, а на нужды Иных. Одет весьма скромно, без претензий. Он пригласил меня сесть рядом с ним. Это не было знаком особой милости. Ни один Иной не выше другого. Ни один Иной не владеет имуществом. Мы только распорядители нашего общего достояния, а человеческие условности на нас не распространяются. Просто, мы с ним были симпатичны друг другу.

Потом я узнал, что это он убил того второго несчастного.

«Как насчет подлипкинской лаборатории?»

Подлипкинскую лабораторию тоже частично спонсировал Илья. Это был такой же частный дом, изнутри напичканный научным оборудованием, и занимались там микробиологической версией нашего происхождения. Существовала гипотеза о некоем симбиозе человека и неизвестного вируса, в результате которого возникал Иной. Гипотеза не была основной. Основной была мутационная. Иные, как новый вид – эволюционный скачок человечества.

«Я подумая».

«Существуют две основных стратегии захвата власти: построение альтернативного общества внутри существующего и захват ключевых постов в имеющемся социуме, – это говорил (точнее мыслил) Марк, один из Иных (говорил явно для меня). – Мы стараемся комбинировать оба пути. Есть еще революционный путь, но он для нас пока неприемлем. Мы еще слабы. На втором пути у нас сейчас два основных препятствия. Первое: полковник ФСБ Алексей Гордеев. В случае его устранения его место займет наш человек. Кто возьмется?»

Иные совершеннее людей, и им принадлежит будущее. Казалось бы, их приход к власти должен быть неизбежен. Но, увы! Успех в обществе определяется далеко не только способностями, но и связями, обладанием властью, деньгами, наконец, возрастом. Возможно, нам придется слишком долго ждать. Мало кому из нас больше тридцати. А ждать мы не можем – нас могут раскрыть раньше и уничтожить всех. Иной может справиться с одним вооруженным человеком, поскольку остановит ему сердце раньше, чем тот успеет выстрелить. Возможно с двумя. Перед отрядом он бессилен.

Иных еще так мало, что можно выслать по отряду против каждого из нас.

Андрей поднял руку.

«Я бы взялся».

«Это не совсем разумно. Я бы лучше предложил вам второго. Это директор института микробиологии. Он тормозит наши исследования. К тому же эту должность можно предложить Олегу Введенскому. Олег?»

«Я только кандидат наук и мало известен в научном мире, к тому же склонялся к подлипкинской лаборатории».

«Это не завтра. Лет за пять наберете очков. После его смерти все равно директором станете еще не вы. Но на первое время один из его замов нас устроит больше. Он не из наших, но Илья спонсировал его исследования. Я понимаю, что в подлипкинской лаборатории лучшие условия для работы. Но сейчас нам нужнее свой человек в этом институте. Хотя бы, чтобы контролировать их исследования в этой области».

«Ну что же, не придется увольняться».

Перспектива лет через пять стать директором родного института была весьма неожиданной. Мне будет тридцать три года. Почти невозможно!

«Возможно. У нас есть тридцатилетние генералы. Андрей?»

«Хорошо. Какие болячки у уважаемого ученого мужа?»

«Там все просто. Больное сердце. Вот сведения отдела информации».

Он протянул Андрею дискету.

«Просмотрю».

«А Олег возьмется за полковника?»

Меня это даже не взволновало, я ожидал чего-то подобного.

«Так все-таки киллером?»

«Мы не работаем по найму. Только по убеждению. Так что скорее ассасином».

«А вы – Старец горы?»

«Здесь каждый сам себе Старец горы и каждый волен отказаться».

«Я согласен».

«Ваш случай сложнее. Полковник выпивает. Наиболее вероятна смерть от цирроза печени. Женя вас проконсультирует по медицинской части».

Евгений кивнул.

Мне тоже вручили дискету с информацией.

«Только разнесите это по времени».

Андрей повернулся ко мне.

«Давайте я через пару недель. А вы не раньше, чем через полтора месяца».

«Хорошо».

Я поджидал Алексея Гордеева у входа в его контору. Было лето. Летел тополиный пух.

Вскоре к подъезду подкатило черное «Ауди». Из него вышел пожилой человек и начал подниматься по ступенькам. Описание и номера машины полностью соответствовали имеющейся у меня информации.

Я нашел печень. Сделал все, что сказал Евгений. Полковник схватился за бок, постоял несколько секунд, вздохнул и продолжил подниматься.

Он умрет месяца через два, но это уже неизбежно.

У станции Кузнецкий мост есть неплохая пивная, приличная, с негромкой музыкой. Я спустился туда перекусить и взять себе безалкогольного. После преобразования все препараты, воздействующие на сознание, вызывали у меня отвращение.

Группа бесшабашных подростков протиснулась в очередь впереди меня. Я улыбнулся и уступил дорогу. Я разучился гневаться. Вообще, не только по пустякам. Я достиг того, что религиозные учителя называли бесстрашием.

Наверное, это и есть святость.

1. Обреченные

Берег маленького лесного озера. Раннее утро. Я пытался медитировать – без особого успеха. Рядом росли желтые осенние цветы. Кто-то положил мне руку на плечо, и я услышал знакомый голос:

– Серж, пора.

Я поднял голову и оглянулся. Рядом стоял мой старый школьный приятель Ян и печально смотрел на меня. Он был Иным.

– Как ты думаешь, я изменился?

– Я знаю, – и он отрицательно покачал головой. – Нет.

– Значит все?

– Пойдем!

– Ян, я тебя спросил!

– Не нервничай. У тебя впереди еще целая дорога.

«Тот, кто изменится, не должен умирать...» Я посмотрел на Яна.

– Зачем ты подаешь мне надежду?

Он взглянул на меня с жалостью. Или мне так показалось? Я не был уверен, способны ли Иные испытывать жалость. За его спиной стояли еще двое. Все без оружия. Но я знал, что им достаточно подумать, чтобы убить меня. Даже не словом, мыслью. Давно, когда еще все только начиналось, в темном переулке на одного из Иных напало трое грабителей. Разрыв сердца. У всех. Одновременно. «Я просто приказал их артериям сжаться», – сбивчиво объяснял в участке убийца, хлипкий парень лет двадцати пяти. – «Я и не знал, что получится». Его отправили в психушку. Тогда их еще сажали в психушки. А то и казнили. Теперь казнили нас.

Ян взял меня под руку. Двое других выстроились сзади, и мы пошли к воротам в высоком заборе, построенном вокруг озера.

«А, может, они врут все», – подумал я. – «Телевидение их. Газеты их. Вдруг, они ничего не могут?»

И я рванулся вперед. Вырваться оказалось даже легче, чем я думал. Ян почти не удерживал меня. Я пробежал метров пять, прежде чем почувствовал страшную боль под коленями и упал в осеннюю грязь. Я обернулся. Трое Иных стояли на месте и пристально смотрели на меня.

Потом Ян подошел ко мне и подал руку.

– Ну что, проверил? Больше так не делай. Не причиняй себе лишних мучений. Сейчас все пройдет.

Я встал.

– Как вы меня убьете?

Мне кажется, что Ян смутился. Или это опять попытка приписать Иным человеческие чувства, не имеющая под собой абсолютно никаких оснований? Они ведь даже мыслят по-другому.

– Серж, ты пойми, что мы не можем поступить иначе, – Ян опять взял меня под руку, и мы неумолимо приближались к воротам. – Это видовая конкуренция. И хуже всего, что мы с вами генетически совместимы. Мы можем просто раствориться среди вас, как щепотка соли в воде. Вероятность распространения полезной мутации на популяцию ничтожно мала. Мы не можем допустить, чтобы процесс эволюции остановился или пошел вспять. Вы теперь только скорлупа от яйца. Птенец уже вылупился.

– Вы уверены, что это полезная мутация? – перебил я.

– Уверен.

– Ну, устроили бы для нас резервацию. Зачем же убивать?

Мне показалось, что Ян тонко улыбнулся. Или опять искаженное восприятие?

– Нам не нужно второго томского бунта. Ты представляешь опасность, такую же, как и все вы.

Да, тогда погибло много Иных. Но я-то готов был поклясться, что мухи не обижу!

Мы вышли из ворот. Здесь уже ждал маленький белый автобусик – машина смерти. Я было отпрянул назад, но Ян удержал меня и потянул к автомобилю.

Она не всем выпадала, эта последняя поездка. Большинство убивали прямо в тюрьме без всяких церемоний. Мне выпала. Сомнительная привилегия! Никто не знал по какому принципу Иные отбирают жертвы для сего дополнительного издевательства.

И почему они всегда приставляют к приговоренному его бывшего друга или родственника, ставшего Иным? Официально считается, что из милосердия. Так сказать, для моральной поддержки. Странное милосердие! Мне казалось, что есть еще какая-то причина. Но я не стал спрашивать Яна. Не слишком большое удовольствие за несколько минут до смерти услышать в сотый раз один и тот же официальный ответ: «Так вам психологически комфортнее».

Мы сели в машину: белые стены, наглухо запертые двери, окон нет. Сиденье довольно мягкое. Преддверье морга. Я посмотрел на моих палачей. Мне всегда хотелось понять, что же отличает Иных от людей. Сдержанные жесты, внимательный взгляд. Всего-то! В остальном люди, как люди. Меня даже рассмешила эта мысль. Назвать Иных людьми! Вот уж кто не люди! Да нет, есть еще что-то неуловимое, невыразимое словами. Внимательный человек не спутает. И сами они всегда узнают друг друга. Хотя, в принципе, если постарается, Иной вполне может прикинуться человеком.

Машина тронулась с места. «Боже! О чем только я думаю в последний момент!»

– Ян, ты не ответил на мой вопрос?

– Какой? Насчет вида смерти? Я ответил на тот вопрос, который ты подумал, а не на тот, который произнес.

– Ян, я хочу знать.

– А как бы ты хотел?

– Никак!

– Тогда инъекция в вену. Это практически безболезненно.

– Усыпите, значит, как старого пса.

– Ты можешь предложить что-нибудь другое.

– Зачем вам это? Шприц! Яд! Вам же достаточно просто мысленно приказать мне умереть!

– Значит, так надо.

Я возвел очи горе. Больше всего меня раздражало то, что Иные совершенно искренне не испытывали ко мне никаких враждебных чувств. Они просто делали необходимую операцию. Я не уверен, что Иные вообще способны испытывать ненависть. Скорее всего, нет. Может быть, это даже хорошо. Да только взывать к милосердию тоже бесполезно!

– Когда? – обреченно спросил я.

– Минут через пятнадцать.

– Зачем? Почему не сразу?

– В машине трясет. Здесь есть специальное место. Мы там остановимся. И потом, я обещал, что у тебя впереди еще целая дорога.

– Что может измениться за пятнадцать минут!?

Ян таинственно улыбнулся. Я уже не думал о том, настоящая это улыбка, или моя болезненная галлюцинация: страх не способствует критическому мышлению.

– Многое.

Я откинулся на спинку кресла и полу-прикрыл глаза.

– Артур, ты пока достань, – услышал я голос Яна и снова открыл глаза. Любопытство победило.

В руках Артура, Иного, сидящего слева от Яна появился шприц и ампула с какой-то бесцветной гадостью. И я почувствовал, что внутри меня образовалась мерзкая пустота, черная пропасть. Я сжал руку в кулак, ногти больно вонзились в ладонь. И я подумал: «Поскорее бы все кончилось!» Ян положил мне руку на плечо.

– Отцепись! – дернулся я и свирепо взглянул на бывшего друга. Казалось, я ему больше не интересен. Он выглядел озабоченным и многозначительно переглядывался с Артуром и вторым Иным, кажется, его звали Лев.

– Их слишком много, – тихо сказал Ян.

Лев кивнул.

– Там завал. Придется остановить машину, – проговорил Артур.

Автомобиль остановился. Я услышал автоматную очередь и звон разбитого стекла: наверное, кабина водителя. Трое Иных пристально посмотрели на дверь. Она дергалась и скрежетала. Кто-то пытался прорваться к нам. Послышался глухой звук, возможно, от падающего тела, или тел. И скрежет ненадолго прекратился. Раздалась еще одна очередь, очень близко. Думаю, стреляли по замку. Я попытался вжаться в стену. Артур согнулся и медленно сполз на пол. Но дверь распахнулась.

Возле двери стоял парень, рослый и широкоплечий, с довольно грубо сработанной физиономией, не обремененной особым интеллектом, и держал автомат наперевес. Я вжался в стену еще глубже. Хреново оказаться между двумя смертями. Иные спокойно смотрели на широкоплечего.

– Осторожней, Ким! Не смотри им в глаза! – кричал кто-то невидимый справа от машины. – Стреляй быстрее, а то они тебя убьют!

– Я так их не отличу, – протянул Ким. – Один нормальный.

И он выстрелил. Два трупа, прошитых автоматными пулями, справа и слева от меня. Я не двигался.

К задней двери автобуса подходили люди. Обтрепанные, плохо одетые, и вооруженные, кто во что горазд. В нос мне ударил запах давно немывших тел.

– Выходи! – скомандовал красивый черноволосый парень, чуть ниже Кима, зато с куда более умным взглядом.

Я неуклюже выбрался из-под мертвецов и спрыгнул на дорогу. У ног я почувствовал что-то мягкое и отпрянул. Еще один труп. Наверное, тот парень, что вначале пытался открыть дверь.

Черноволосый, приказавший мне выходить, тепло улыбнулся:

– Теперь я вижу, что ты не из этих. Иные не боятся трупов. Дмитрий! – и он протянул мне правую руку, переложив автомат в левую и водрузив его на плечо.

– Сергей!

Моих спасителей было человек двадцать мужчин и женщин. Очень разношерстная компания. Не было только очень молодых. Да и не могло быть.

– В лес! Не мешкайте! – приказал Дмитрий своей обтрепанной армии. И мы спустились с насыпи и вошли в заросли боярышника. Здесь, уже в лесу, начиналась еле заметная тропинка. Тело погибшего парня погрузили на плащ и несли за нами. Я смотрел на голубое небо сквозь желтую листву и шурился, как кот на последнем осеннем солнышке.

– Извини, что отрываю, – улыбнулся Дмитрий. – А ты-то как попал в белый автомобиль?

– Да, как все! Мне тридцать лет, и этим все сказано.

– Мне тридцать три, и я там никогда не был.

– Как это тебе удалось?

– Сбежал в лес из города три года назад, в свой день рождения.

– Умный человек, – вздохнул я. – А меня мой школьный друг Ян все убеждал, что у меня наверняка есть этот чертов ген. Что у всех по-разному проявляется, бывает и позже тридцати.

День рождения я пережил спокойно. Через полгода арестовали. И Ян был со мной в белом автомобиле.

– Они ко всем приставляют таких увещателей. Слушать надо меньше.

– Ты думаешь, он с самого начала знал, что ведет меня на смерть?

Дмитрий пожал плечами.

– Сколько ему было лет, когда он изменился?

– Двадцать два.

– То-то же.

Я вспомнил, как это было. Восемь лет назад Ян заболел. Больше недели не появлялся в институте. Мы учились вместе. После школы пошли в один институт, на один факультет и даже попали в одну группу. Наконец Ян снова появился на семинарах. Я сразу понял: что-то случилось. Другие манеры, другой взгляд и эта странная полуулыбка. «Что с тобой?» – прямо спросил я. – «Все прекрасно. Я изменился». Мне стало как-то не по себе. Старый друг перестал быть человеком. «У тебя еще все впереди», – успокоил он. Через пару недель он досрочно сдал сессию, а через месяц – защитил диплом. И сделал нам ручкой. Но от меня не отставал. Упорно, словно по долгу службы, поддерживал дружеские отношения. Даже диплом помогал писать. А я что? Мне льстила дружба с Иным. Идиот чертов!

Вечерело. Сквозь листья деревьев просвечивало алое закатное небо. Впереди мы увидели дым костра и вскоре вошли в военный лагерь моих освободителей.

У костра сидел долговязый парень и лениво перебирал гитарные струны.

– Знакомся, Женька, еще одного пленника освободили! – крикнул ему Дмитрий и кивнул в мою сторону. Я сел на поваленное бревно напротив гитариста.

– Евгений! – еще раз представился тот.

– Сергей.

– Из белого автомобиля?

– Да.

– Уймись лихачить, – обратился он к Дмитрию, который плюхнулся на бревно рядом с ним. – Сам голову сломаешь и нас сдашь.

– Где бы ты был, если бы я не лихачил?

– Мирно бы лежал под серым камушком на глубине двух с половиной метров, а не с тобой по лесам шастал.

– Ну, дело вкуса.

– Простите, – вежливо поинтересовался я. – А вас тоже Дмитрий освободил из белого автомобиля?

– «Тебя», здесь без церемоний. Из него родимого. Только год назад.

И он снова начал перебирать струны, а потом вдруг спросил:

– Долго мучили?

Я вопросительно посмотрел на него.

– «Стресс. И медитация в состоянии стресса очень способствуют пробуждению латентного мутантного гена», – процитировал он.

Я кивнул.

– Три дня.

– По-божески. Меня дольше. Кто в последний путь провожал, брат? Отец?

– Друг.

– А меня возлюбленная.

Я с ужасом посмотрел на него. Потом перевел взгляд на Дмитрия. Тот склонил голову.

– Рыжая такая девица. Да, убили.

– Но я не в обиде, – пожал плечами Евгений и посмотрел на звезды, медленно и размеренно, по одной, загоравшиеся на вечернем небе.

У костра собрался народ. Довольно много женщин. Иногда красивых, но весьма неопрятных по причине долгой лесной жизни. И не очень юных. Клуб, кому за тридцать. В котелках над костром что-то булькало и кипело. Пахло весьма аппетитно.

– Ну, что, Дмитрий, – медленно проговорил Женя, глядя в огонь. – Убираться отсюда надо. Они ведь цепью пойдут по лесу. Я их знаю. Зачистка местности. А у нас костер, как маяк.

– Поужинать-то надо.

– Не был бы это последний ужин в нашей жизни.

– Авось, не будет. Ты лучше спой что-нибудь.

– Как знаешь.

Пел Женька хорошо. Даже очень. Классно пел. И голос, глубокий и сильный, и мелодия не три аккорда, и слова неплохие. Я заслушался.

– Интересно, а Иные поют? – спросил я, когда он закончил. – Я что-то никогда не слышал.

– Не знаю, – пожал плечами менестрель. – Вряд ли.

– Вы все-таки побыстрее ужинайте, ребята, – сказал Дмитрий. – Сниматься надо. Женька зря говорить не будет. У него чутье.

– На ночь глядя, ломиться через лес? – возмутилась высокая светловолосая дама.

– Лучше ночью ломиться через лес, Вика, чем отдыхать в могиле, – глубокомысленно заметил Дмитрий.

После ужина костры затоптали, лагерь свернули, и это не вызвало особых возражений. Кинули на спину рюкзаки и направились вглубь леса. Мы с Дмитрием и Женей шли в голове отряда, гориллообразный Ким – в конце, замыкающим.

Мы были от лагеря километрах в двух, когда услышали за спиной выстрелы.

– Опоздали! – вздохнул Евгений.

– Вперед, бегом, врассыпную! – командовал Дмитрий. – Как можно быстрее, в чащу!

– А как же остальные? Те, кто в хвосте! – отчаянно закричал я.

– Бесполезно! Надо спасти хоть кого-нибудь.

Мы залегли в глубоком овраге. Человек десять. Наверху маячили огоньки фонариков. Но нас им было не достать. Мы затаились под обрывом, под нависшими корнями огромной сосны.

Только наутро осмелились выбраться на поверхность. Дмитрий первым. Наверху он осмотрелся и махнул нам рукой. Все в порядке. Иные ушли.

Целый день мы собирали жалкие остатки нашего отряда. Всего спаслось человек двадцать пять.

– Шестая часть лагеря, – заметил Дмитрий.

То и дело мы натыкались в лесу на окровавленные трупы. Иные расстреливали без всякой жалости. Мертвых снесли к оврагу и разожгли костер. Там оставили основную часть отряда. А мы втроем – Дмитрий, Женя и я – решились вечером пойти на разведку на старое место, пока остальные хоронят погибших.

Здесь тоже никого не было, кроме мертвецов. Мертвый Ким. Я с жалостью посмотрел на неподвижное туповатое лицо. Несколько женщин.

– Сколько всего трупов? – спросил Дмитрий.

– Около двадцати.

– Значит, в основном арестовывали.

– А почему расстреливают? – удивился я. – Иным это не нужно.

– Солдаты расстреливают. Молодежь, – пояснил Евгений. – Иные арестовывают. Видно, их было не так много. И они не прошли далеко в лес: заняты были. А то бы нас выследили. Вот так-то, Серж, рано ты радовался. Здесь долго не живут. Это не помилование. Это отсрочка приговора.

– Не каркай! – одернул Дмитрий. – А если арестовывали, значит, узнают, где мы. Надо убираться подальше в лес.

Мы похоронили мертвых здесь же, на старой стоянке, и вернулись к остальным.

Шагах в двадцати от лагеря мы почувствовали неладное. Наши товарищи по несчастью отчаянно ругались и кричали друг на друга.

– Что случилось? – требовательно спросил Дмитрий.

Толпа расступилась, и мы увидели еще один труп. Белобрысый парень лет тридцати. Я видел его мельком вчера возле костра, и, кажется, он прятался с нами в овраге.

Дмитрий обвел взглядом присутствующих.

– Он начал изменяться, – пояснила Вика. – Прямо у нас на глазах.

– Правильно. Стресс плюс медитация на дне оврага, – усмехнулся Евгений.

– Ты уверена? – спросил Дмитрий.

– Да.

– Совершенно точно, – поддержал ее коренастый мужик с автоматом.

– Я вынужден был стрелять. Иначе он бы убил нас всех. Мы бы даже опомниться не успели.

– Ты правильно поступил, – вздохнул Дмитрий.

– Дим, а если они ошиблись? – задумчиво проговорил Женя. – Если мужику просто плохо стало?

Дмитрий покачал головой.

– Это ни с чем не спутаешь.

Мы уходили все дальше в лес. Здесь до самого первого снега мы рыли землянки, заготавливали дрова, сушили грибы. Судя по ранним заморозкам, зима обещала быть суровой.

Дмитрий больше не рисковал нападать на белые автомобили. Но к дороге иногда посылали разведчиков, чтобы заранее узнать об облаве, если таковая будет готовиться. И те видели машины смерти, и весьма регулярно. Хотя, кажется, их стало меньше.

– Всех перебили, – прокомментировал Дмитрий.

Женя задумался и промолчал.

А в начале зимы по радио передали сообщение (у Дмитрия был старенький радиоприемник). В нем говорилось, что человеческий геном полностью расшифрован, и теперь известно, какой ген отвечает за изменения. «Кроме того, – вещал диктор, – Открыта новая разновидность латентного гена, которая несколько отличается от обычной, и проявляет себя только после достижения носителем тридцатилетнего возраста. Мы располагаем генетическим материалом многих беглецов, скрывающихся в лесах. У некоторых из них этот ген присутствует. У нас есть списки этих людей, но, к сожалению, мы не можем их обнародовать, потому что носители будут немедленно уничтожены своими. Поэтому мы призываем всех беглецов сдать властям. Обладатели латентного гена будут подвергнуты изменению. Теперь нам известна надежная методика. Остальные будут прощены и отправлены на отдаленные острова в Атлантическом океане, где им будут обеспечены необходимые условия для жизни. Мы отказались от политики тотального уничтожения неспособных к изменению, поскольку в результате нее потеряли многих носителей новой разновидности гена. Предупреждаем носителей, скрывающихся в лесах, что изменения происходят и самопроизвольно. Если ваши соратники заметят их – ваша смерть неминуема. Поэтому вернитесь в город и сдайтесь властям, чтобы получить защиту».

Дмитрий зло выключил радиоприемник и даже убрал антенну.

– Черта лысого! Как же «остров в океане»! Знаем мы их острова! Все это мы уже слышали. Очередное вранье.

– Знаешь, а ведь то, что мы еще можем измениться, резко меняет наше положение, – осторожно заметил Евгений.

– И ты поверил?

– Они и раньше говорили о такой возможности.

– Угу, а потом сажали в машины смерти.

Женя пожал плечами.

В землянке было холодно. Костер горел на земле, прямо посередине комнаты (если это можно было назвать комнатой), дым уходил через дыру в потолке. Но не очень эффективно, то и дело стелясь по земле, заполняя легкие, разъедаая глаза. От входа, завешенного старой палаткой, отчаянно дуло.

– А на островах Атлантического океана, наверное, тепло, – жалобно протянула Вика, кутаясь в старое тряпье.

Дмитрий свирепо посмотрел на нее.

Ближе к весне начался голод и болезни. Наши землянки неуклонно превращались в лазареты. Тут выяснилось, что у Евгения медицинское образование, и он самоотверженно помогал всем, как мог.

Мы шли с Дмитрием по заснеженному лесу, надеясь подстрелить какую-нибудь дичь. Светило солнце. На снегу лежали синие тени елей. Мы остановились, рассматривая следы. Заячьи, лисьи, волчьи. Я в этом не особенно разбирался. Вдруг с одной из вершин вспорхнула птица. Я поднял голову и заметил вдали, возле елей, еще одну цепочку следов, точнее тропинку. Мы подошли ближе. Следы были человеческими и довольно крупными. Явно мужские. Дело в том, что во всем лагере на ногах оставалось человек десять, из которых половина женщин. Из мужчин сносно чувствовали себя: я, Дмитрий, Женька и еще два парня: Севка и Ник.

– Кто бы это мог быть? – шепотом спросил я.

– Сейчас увидим.

И мы пошли по следу, стараясь, чтобы снег не скрипел у нас под ногами.

Возле зарослей молодых сосенок Дмитрий знаком остановил меня.

Там, шагах в десяти от нас, на небольшой поляне, стоял Женька и о чем-то разговаривал с незнакомым мальчишкой лет шестнадцати. Вдруг он стал быстро прощаться, передал мальчишке какой-то маленький сверток, и парень стремглав бросился в лес в противоположную сторону от нас.

Мы вышли на поляну, и Дмитрий сразу взял Женьку за грудки.

– С кем это ты тут треплешься?

– А откуда ты думаешь, я беру лекарства и картошку? Знаешь, почему мы все еще не подошли?

Дмитрий слегка ослабил хватку.

– Почему мне не сказал?

– Потому что ты – сумасшедший.

– Он нас не выдаст?

– Нет. Это парень из деревни. Они тоже Иных терпеть не могут. Я с ним общаюсь уже пару месяцев. Значит, пока не выдал.

– Ладно, прости, погорячился, – и Дмитрий отпустил своего друга. Тот аккуратно поправил одежду. – А что ты ему отдал?

– Деньги, Дим, деньги. Все денег стоит.

– У тебя есть деньги?

– Немного.

– А разве у тебя их не отобрали при аресте? – удивился я.

– Отобрали, конечно. Это были не мои деньги.

– Об этом знает еще кто-нибудь?

– Нет. Уже нет. Ким знал. Дмитрий, я ведь не первый год с тобой зимую.

– И ты все молчал?

– Молчал. Ну, что убей меня теперь за это!

– Ладно, пошли.

В начале весны слегла Вика. Ей стало плохо в один из вечеров, когда мы собирались ужинать у костра. Она стояла возле сосны за моей спиной и, по словам Жени, стала медленно сползать вниз. Женька заметил это первым, бросился к ней, подхватил на руки и отнес в землянку. Положил почему-то отдельно, за занавесом.

– Что с ней? – спросил Дмитрий, когда он вернулся.

– Слабость, недоедание. Просто обморок. Она уже пришла в себя... но не надо ее беспокоить.

Так она и пролежала одна, за занавесом, дня четыре. Женька никого к ней не пускал, и по лагерю начали ходить скабрзные шуточки по поводу особого внимания доктора Жени к этой больной. Только Дмитрий был серьезен и мрачен.

– Что-то не нравится мне это, Серж, – тихо сказал он мне. – Кто-нибудь видел, кроме Женьки, как ей стало плохо?

– Я нет. Остальные – не знаю.

– То-то же. Никто не видел.

– Что ты хочешь этим сказать?

Дмитрий пожал плечами.

– А кто его знает?

В эту ночь я не спал. Не спалось. Было уже далеко за полночь, когда за занавесом послышались приглушенные голоса. Два человека разговаривали шепотом. Я осторожно подкрался поближе.

– Ты должна научиться вести себя, как человек, – тихо наставлял Женька. – Ведь совсем недавно у тебя это отлично получалось. Не все же забыла. Я понимаю, что трудно. Пока постарайся хотя бы не смотреть людям в глаза: отводи взгляд, смотри на небо, на деревья, просто в другую сторону. Иначе вычислят. Вычислят и убьют. Или нам придется уничтожить их всех, что еще хуже. У меня же получается. А я здесь уже год.

– Может быть, убежим, – предложила Вика, каким-то чужим голосом с другими, незнакомыми интонациями. Уж слишком ровный голос для такого предложения.

– Рано. Мы потеряем остальных. И учись управлять своими мыслями. Если бы ты лучше владела новыми способностями, не понадобился бы этот разговор. А он очень опасен. Погоди-ка...

Он шагнул к пологу и резко открыл его. Я бросился к выходу и устремился во тьму, в лес, как можно дальше от лагеря. Женька был Иным, и это совершенно не укладывалось в голове. Только не Женька. Он вел себя слишком... по-человечески. Причем, как очень достойный человек. Неужели, пустое актерство? А я даже привязался к нему, стал относиться почти, как к другу.

Я тяжело опустился на холодный камень на берегу маленького лесного озерка, еще покрытого льдом, подтаявшим у краев. Кажется, меня никто не преследовал. Что было делать? Рассказать все Дмитрию? Двое Иных против десятка здоровых людей. Не слишком хороший расклад. Пожалуй, не в нашу пользу. А если и в нашу? Что, если все правда? Изменилась же Вика. Что, если я тоже изменюсь после того, как мы убьем их? Тогда я буду следующим. Не рассказывать? Безумие! Женька, наверное, уже вычислил меня. Удивительно, что я до сих пор жив. Рассказать и немедленно!

Я встал с камня и пошатнулся. Слабость, головокружение. Наверное, голод плюс бессонная ночь. Мир вокруг меня начал странно изменяться. Он становился ярче и как-то реальнее. На небе не было луны, но я видел каждую травинку, не только на этом, но и на том берегу озера, точнее, я их чувствовал. Я знал, что в траве живут змеи и прячутся полевые мыши, но я их не интересую, или они меня боятся. А в паре километров к северу находится деревня. Там спят люди, и среди них один Иной, за спиной у меня – лагерь беглецов, там двое Иных, и они не спят и думают обо мне. Им что-то от меня нужно. Пока я не понимал, что. Я схватился

за голову, не в силах вынести тот поток информации, который, словно взбесившийся океан, беспощадно разрывал мой череп, и упал на землю. При этом я поранил руку об острую корягу, увидел кровь, но не почувствовал боли. Точнее почувствовал, но не так. Это была не боль. Это была информация. Информация о том, что на руке образовалась рана, в которой надо убить бактерии, прекратить кровотечение, стянуть края и зарастить ее новыми клетками. Я подчинился и сделал это. Рана затянулась. Не знаю, как это у меня получилось.

Голова то работала удивительно ясно и быстро, словно мне поставили процессор другого поколения, то вдруг начиналось помутнение сознания, головокружение, и я падал на мокрую весеннюю землю. Еще я понял, что те двое из лагеря вышли искать меня. В минуты ясности сознания я шел им навстречу, в периоды безумия – бежал от них. Причем, в первом случае я не понимал своих действий, совершаемых во втором, и наоборот. Голова больше не кружилась, но временами я терял способность соображать, то есть соображал так, как раньше, как вчера. Очень медленно. Зато бегал быстро. И, когда ко мне возвращался разум, я долго и занудно возвращал на место непокорное тело.

Утром я обнаружил себя вблизи лагеря. Из землянки выходили продрогшие за ночь люди и стягивались к костру. И я услышал их мысли. Медленные, как верблюды в пустыне. Кто-нибудь из них начинал мысль, и я все никак не мог дождаться конца. Мне стало смешно. Я улыбнулся. Неужели, я тоже раньше думал с такой же скоростью? В остальном это были довольно милые животные. Глупые, но милые.

Один из них посмотрел на меня. Дмитрий. Неужели, я когда-то считал его другом?

И я почувствовал агрессию.

– Дима, ты что? – спросил я.

– Ты никогда не называл меня «Димой». Ты – Иной. Ты изменился. Ребята, к оружию!

– Я вовсе не собираюсь вас убивать, – сказал я.

Но они не слушали. Дима поднял автомат. Остальные тоже взяли за оружие. И я понял, что они сейчас выстрелят.

Я очень не хотел этого делать. Но все же мысленно нашел у Димки в голове этот сосудик и пережал его. Я очень ясно видел его кровеносную систему, и знал, как она работает. Смерть мгновенная и безболезненная. Я не хотел, чтобы он страдал.

Дима упал вперед, прямо в костер, и я перевел взгляд на его соседа. «Севка, – вспомнил я. – Севка, неужели ты будешь стрелять?» И я увидел его сердце. Вот здесь перекрыть. Но меня опередили. Севка уже падал на землю, выронив автомат и схватившись за грудь. К лагерю подходили Женья и Вика. Возле костра упал Ник. Он был последний. Остальные еще не вышли из землянки.

«Зачем Димку убил? – возникла у меня в голове чужая мысль, и я понял, что это мысль Жени. – У него ведь был этот ген. Он мог измениться».

«Я не знал».

Да, если бы я знал, это был бы трудный выбор. Я пока не понимал, кого следует предпочесть в такой ситуации: Иного с активизированным геном или с латентным.

«Ты прав. Конечно с активизированным, – подумал для меня Женья. – Только ты при этом руководствовался не разумом, а инстинктом самосохранения. Изолировать вас надо во время процесса изменений, как буйных сумасшедших, потому что действовать уже способны, как Иные, а мыслите еще во многом по-человечески, то есть никак не мыслите. Жаль, изоляция не всегда возможна».

«А откуда ты знаешь, что у Димы был латентный ген?»

«Помнишь того мальчика лет шестнадцати, которому я отдавал в лесу якобы деньги? Не деньги, а вашу генетическую информацию. Он тоже Иной. Мой связной. Он приносил мне результаты. А о твоём латентном гене я узнал еще раньше. Мне сообщили сразу, как только расшифровали геном. Образцы твоих клеток у нас были».

Да, у всех арестованных брали генетическую информацию.

«Значит, ты с самого начала за нами шпионил?»

«Не я за вами, а мы за ними. Ты забыл, что ты уже в другом лагере? Да. Мой побег был подстроен. Да, я год прикидывался человеком. И весьма успешно».

«А как же рыжая девица, возлюбленная?»

«Мы умеем не только передавать мысли, но и внушать их. Научишься. Все живы».

«А мои мучители? Артур, Ян, Лев?»

«Конечно. К сожалению, Артура мы потеряли. Могли бы потерять всех. Как ты думаешь, почему Ким смог чуть не минуту стоять перед двумя Иными и прицеливаться?»

«Понятно. Его вынудили выстрелить в землю. А меня просто отпустили. Если бы Иные стали убивать людей, оказавшихся в их поле зрения, одного за другим, нападавшие расстреляли бы всех вслепую».

«Почти так. Только тебя не отпустили, а передали под мою опеку».

«А зачем ты вслух вчера разговаривал с Викой? Можно же мысленно».

«У меня плохо получается», – я услышал эту мысль очень слабо, еле уловил ее, но понял, что это Вика.

«Неполная активизация гена, – ворвался ко мне Женя. – Ничего научится».

«А остальные? У кого еще латентный ген?»

«Больше ни у кого».

«Значит?»

«Да, мы должны их ликвидировать».

«А как же отмена политики тотального уничтожения?»

«Остров в океане? Это полумера. Все равно мы не уживемся на Земле. Мы занимаем одну и ту же экологическую нишу. Если можно обойтись без острова – лучше обойтись, чтобы не создавать себе лишних проблем».

И он протянул руку к трупам, лежавшим на земле. Они задымились и начали медленно оседать. Процесс разложения, ускоренный в десятки раз. В воздухе повис запах тления.

«Подождите здесь, я только загляну в землянку».

Мы с Викторией остались ждать. Все произошло очень быстро. Да, Женя только зашел в землянку. Зашел и вышел. И за его спиной, из-под занавеса из старой палатки потянулась такая же струйка сладковатого дыма.

«Пойдемте!»

«Женя, ты же их лечил!»

«Странно все-таки на вас смотреть в период изменений, забавно. Впрочем, ты же не Иной. Возможно, вы мыслите иначе».

«Как?» – я не испугался, я заинтересовался, хотя раньше этот вопрос наверняка бы напугал меня.

«Так. Ты – Высший. Гораздо совершеннее любого Иного. Настолько же совершеннее, насколько Иной совершеннее человека. Если ген изменений активизируется до тридцати лет – человек превращается в Иного, после тридцати активизируется другой латентный ген, тот, который делает человека Высшим».

«Но я пока не чувствую, что ты иной, чем я».

«Почувствуешь. Это только первая ступенька».

«А как вы поступаете с Высшими?»

Мне показалось, что Женя рассмеялся.

«Это не мы поступаем с Высшими, это они с нами поступают. Скоро начнешь мною командовать».

«А не думаешь, что Высшие вытеснят вас из экологической ниши?»

«Нет. Это всего лишь четкая иерархия в одной системе. Надеюсь, что нет. По крайней мере, мы не люди, и никогда не поступаем неразумно».

«А Высшие?»

«У них другой разум. Они поступают, как Высшие».

«Ты не боишься?»

«Я не человек».

Мы шли по весеннему лесу в сторону города. Под ногами хлюпала еще не высохшая грязь, и солнце играло в ручьях и лужах.

«Все-таки горько», – помыслил я. – «Словно мы убили собственную мать».

«Тот, кто не убьет свою мать, не сможет освободиться от страстей», – ответил Женя, и я понял, что уже где-то читал об этом, тогда, в прошлой жизни.

2. Взломщики

Проверяли всех. Геном был расшифрован около года назад, и теперь начались массовые проверки. Мы, то есть я, Тим и Лео стояли в очереди в институтской поликлинике на сдачу генетического материала. Результаты обещали через два дня. А это значило, что жизнь кого-то из нас, а, может быть, и всех, через два дня могла круто измениться.

Внизу, на выходе, стояла охрана. Выпускали только тех, кто оказался способным стать Иным или Высшим. Только они имеют право на жизнь и свободу. Тех, у кого в карточке стоял роковой диагноз «homo naturalis», сразу отводили в сторону. У них другая судьба. Человек естественный, то есть не Иной и не Высший. Предыдущая ступень. Вымирающий вид.

Мы показали талоны.

– Только сдали.

– Тогда идите, ребята. Помните, послезавтра вечером, и без оружия. Мы теперь проверяем.

– Да, какое оружие!

– Надо будет хорошо принять послезавтра, перед тем, как идти сюда, – заметил я, когда мы отошли подальше.

– Не надо, – оборвал Тим, мой институтский друг, хлипкий очкарик с резковатыми манерами. – Мы туда не пойдем.

– Ты хочешь, чтобы они за нами пришли? – поинтересовался Лео, глядя на мелкого Тима с высоты своего роста.

– Нет. У меня другие планы.

– В лес бежать?

Тим поморщился.

– Не много удовольствия замерзнуть где-нибудь в землянке или умереть от цинги. Есть куда более приятные способы покончить с собой.

Я посмотрел на него с интересом. Тим улыбнулся.

– Пойдемте, ко мне, поговорим.

Мы сидели на Тимкиной кухне, пили чай. Матушки его дома не было, и мы чувствовали себя вполне вольготно.

– На даче она, – объяснил Тим. – Сама от себя прячется. Правда, там телефон. Я позвоню, конечно, попрощаюсь. Везет же им, старикам, их не проверяют.

– Только тех, у кого есть дети до тридцати лет, – заметил я. – Нас проверят, за них возьмутся. Кстати, ты думаешь, тебе дадут позвонить?

– А я у них не собираюсь спрашивать.

– Так, что ты задумал?

Тим встал, открыл холодильник, вынул оттуда небольшую полиэтиленовую сумку и водрузил ее в центр стола.

– Что это?

Тим развернул ее, вытряхнул. На столе образовалась гора упаковок каких-то белых таблеток.

– Так, снотворное, – пояснил Тим.

– Ты, что заранее готовился?

– Конечно, как только все это началось. Кстати, сюда в комплект очень пошла бы бутылка водки при всем моем сдержанном отношении к этому напитку. Очень повышает эффективность действия. Сначала пьются таблетки, а потом – водка. Надежно и безболезненно. Ты бы сбегал, Юр. Все равно ведь собирался, – и он посмотрел на меня сквозь очки.

– Одной на троих хватит? – зло спросил я.

– Даже много.

Я встал.

– Тим, ты только одного не учел. Мы не знаем результатов. А если мы попремся с этим, – я кивнул в сторону таблеток, – в поликлинику – у нас все равно все на выходе отберут.

– Учел. Результаты узнаем сегодня ночью или завтра утром. Их сразу посылают на сервер полиции. Бери – не хочу. То есть там защита стоит, конечно. Но очень хреновая. Ломается с полпинка. Я туда уже месяц лазаю. Помнишь, Ленку Немировскую? Ту, что повесилась две недели назад? Это я ее предупредил.

– Ты??? – я сел.

– Ну, что ты так на меня смотришь? Я ее не заставлял в петлю лезть. Просто человек сам должен иметь право выбрать: умереть ему или жить в резервации на положении животного! Ну, что, идешь за водкой?

– Иду.

Вернувшись, я поставил бутылку в центр стола, рядом с таблетками.

Ночью мы вышли в сеть. Тимка легко проник на сервер полиции. наших результатов еще не было. Сели ждать. Спать не хотелось.

– Может, разопьем пока водяру, а? – предложил я. – Завтра еще сбегает.

– Уймись, Юрка! Для дела куплено, – пресек мои поползновения Тим и снова уткнулся в компьютер.

Результатов не было.

Только около полудня мы нашли на сервере фамилии нашей группы. Так, по алфавиту. Слева – имя и фамилия, справа – результат.

Леонид Васильев – homo naturalis.

Лео стоял за спиной у Тимки, одной рукой опираясь о спинку его кресла, другой – о компьютерный стол. Вдохнул, выпрямился, сделал шаг назад.

– Ясно.

Картинка на экране поползла вверх.

Юрий Никифоров – homo naturalis.

Сердце у меня упало, и дальнейшее как-то перестало интересовать. Почему я еще смотрел на экран? Наверное, по привычке.

Тимофей Поплавский – Высший.

Тимка запрокинул голову, посмотрел на нас снизу вверх и развел руками.

– Пошли, Юр, – сказал Лео и отправился на кухню.

Там он сгреб снотворное и погрузил его в сумку. Туда же была положена бутылка водки.

– Теперь бы место найти, – проговорил я.

Тимка стоял в дверях.

– Я бы рад, но... Я не могу. Вы же сами понимаете...

– Понимаем, – усмехнулся Лео. – Не бери в голову, Тим. Найдем место.

Мы вышли на улицу. Было пасмурно. Дул пронизывающий ветер.

– Ну, что, на чердак или в подвал? – поинтересовался я.

– Ко мне на дачу.

– Далеко, да и холодно уже.

– Ничего, печку затопим, неженка. У тебя деньги есть?

– Да, а что?

– Есть предложение устроить прощальный пир. Ты какую икру больше любишь, черную или красную?

В электричке дико хотелось спать. Между нами стояла сумка со снотворным, напротив – с едой. Я то и дело клевал носом. Чудом не проспала свою остановку.

Дрова у Лео были. Натопили печку, стало тепло. На столе в передней расставили яства. К яствам прилагалась бутылка вина.

– Профессор сказал, что спиртное после снотворного, – заметил я.

– Водка после, а вино – до. Мы же не понижаем градуса. За упокой наших душ! – и он поднял бокал.

После трапезы снотворное честно поделили на две равные кучи. Запили водкой. Я поставил кассету. Калугин. Старая вещь, затертая, но хорошая. Тимка загрузил в свое время. Я лег на диван. Лео – на высокую деревенскую кровать у противоположной стены.

– Спокойной ночи, – с усмешкой пожелал он.

– Прощай, – серьезно сказал я и закрыл глаза.

Когда друзья ушли, Тим выключил компьютер и откинулся на спинку кресла. Закрыл глаза. Открыл. Встал, пошел на кухню. Отрезал колбасы. Вернулся. Включил компьютер. Посмотрел на столик рядом с ним. Там стоял телефон.

Встал. Пошел на кухню. Пожалел, что не курит. Вернулся. Выключил компьютер. На столике рядом с ним стоял телефон.

«Ну, что, Высший? – обратился Тим к себе. – Решай, если ты Высший. А то показал друзьям дорогим дорожку на тот свет и пропуск выдал, а теперь последние пятнадцать минут мысленно пытаешься стереть с него свою подпись. Или смиришься, или ликвидируй последствия собственной преступной деятельности!»

Телефон стоял рядом.

«Хорошенький выбор между убийством и предательством!»

Подошел к бару. Открыл. Пусто. Пожалел, что не пьет. Плюхнулся в кресло рядом с телефоном.

«А пошло оно все на фиг!» – выругался про себя. Что именно не уточнил. Сорвал трубку. Бросил. Долго рылся в записной книжке. Набрал номер.

– Женя? Привет. Как хорошо, что ты дома... Да, проблемы... Нет, я не homo naturalis. Высший я, Высший!.. Что значит «тогда, какие могут быть проблемы?» Приезжай, я все расскажу. Только побыстрее.

Двоюродный брат Женька. Старший. Стал Иным двенадцать лет назад. Именно с тех пор (то бишь с восьмилетнего возраста) Тим старался общаться с ним поменьше. Но Женька не забывал. Звонил, разговаривал. Каждый раз обязательно оставлял новый номер телефона, если он изменялся. Иногда пропадал на год, на два. Потом снова звонил. Тим воспринимал его как помесь надсмотрщика с посвященным. Общаться интересно, но не очень приятно. И относился к нему со смешанным чувством почтительности и страха.

Женька обернулся быстро. Уже через полчаса звонил в дверь. С порога изучил двоюродного брата. Все понял.

– Звони в полицию!

– Женя, я думал, что мы без этого обойдемся. Ты же можешь их спасти, ты же Иной!

– Звони в полицию, я сказал! Очень плохо, что ты до сих пор этого не сделал. Вообще, ты заслуживаешь порки.

– Так выпори.

– Высшего? Статус не тот.

Тим поднял трубку. Конечно, сразу надо было звонить в полицию. Может быть, уже поздно. Но так хотелось, чтобы об этом сказал кто-то другой! И чтобы пути отступления были отрезаны.

– Полиция? Да. Двое homo naturalis пытаются скрыться от властей. Леонид Васильев и Юрий Никифоров. Да, проверьте по компьютерному банку данных... Что? Знают они результаты. Потом объясню. Где? На даче Леонида, скорее всего, – и он назвал адрес. – И прихва-

тите врача. Там возможна попытка самоубийства. Отравление барбитуратами... Знаю, – потом обернулся к Жене. – Они просят назвать себя.

– Назови.

– Тимофей Поплавский.

Он положил трубку.

– Слушай, Жень, что мне будет за компьютерный взлом и разглашение секретной информации?

– А также доведение до самоубийства. Забыл?

– Не забыл. Так, что?

– Активизация гена тебе будет, Высший. Сейчас поедem в Единый Институт Генетики, пока ты еще дел не натворил.

– Поедем, Жень, конечно. Только сначала мы поедem к Леньке на дачу.

– Ты хочешь с ними проститься?

– Думай, как хочешь, Жень, только поедem!

– Хорошо.

Полиция приехала раньше них. В большинстве своем homo naturalis, но фанатично преданные Иным только за то, что им позволили жить в городе и не заниматься черной работой. Свора верных псов, сильных, хорошо обученных и далеко не глупых для своего племени. Слишком велик конкурс на место в полиции.

Иного со спутником пропустили. Как могли не пропустить Иного? В печи догорали дрова, уже стало холоднее. В магнитофоне на подоконнике стояла полностью прокрученная кассета. Юра без движения лежал на диване и был очень бледен. Лео – на кровати у противоположной стены. Спят? Мертвы?

– Они живы? – почти закричал Тим.

– Живы, – спокойно ответил начальник полицейских, тоже Иной. – Но это ненадолго.

– А где врач?

– Какой врач? Это же homo naturalis. К тому же пытавшиеся скрыться от властей. Кому они нужны?

– Но здесь двое Иных! Неужели вы их не вытащите?

– Зачем? Это отработанный материал природы.

– Женька! Почему ты мне сразу не сказал?

– Я не знал, что они уже приняли снотворное. Иначе мы бы просто послали их в резервацию.

– Да? Значит, предотвращать самоубийства нужно, а спасать уже не обязательно?

– Ты совершенно прав. Решение о самоубийстве, принятое представителем вида homo naturalis, до того, как он увидит резервацию, является необоснованным. Поверь мне, резервация – это значительно лучше, чем лес. Потом – пожалуйста. Я сам остановлю сердце любому homo naturalis, который меня об этом попросит. Их существование не является необходимым. Это акт милосердия и воля Высших. Но тратить усилия на спасение homo naturalis совершенно нелогично. Они не стоят усилий, которые могут быть потрачены на их спасение.

– Женька, когда ты так говоришь, мне тебя убить хочется.

– Станешь Высшим – будешь иметь полное право. Но тогда у тебя наверняка пропадет это желание.

Тим отвернулся к окну и отмотал немного назад кассету, оставшуюся в магнитофоне. Включил.

Плачь, слышишь – Небо зовет нас, так плачь,

С гулом рушатся времени своды,

От свободы неистовой плачь,

*Беспредельной и страшной свободы!
Плачь, мы уходим навеки, так плачь,
Сквозь миры, что распались как клетки
Эти реки сияния! Плачь!
Ничего нет прекраснее Смерти!² —*

разнеслось по комнате. Открыл окно. В лицо ему ударил холодный ветер.

– Первый этаж, – прокомментировал Женька.

Тим повернулся к нему.

– Слушай, Жень, у меня к тебе просьба.

– Да?

– Обещай, что исполнишь.

– Скажи сначала.

– Останови мне сердце.

– Вышему? Никогда!

– Я не хочу быть Высшим.

– Тебя не спрашивают. Эй, полиция, окно закройте. Вы мне Высшего простудите. Он еще не научился изничтожать в своем организме непрошенные бактерии. Не хватало еще потерять такое сокровище из-за осеннего сквозняка! Вышие – они товар штучный.

Окно закрыли, и Тим был выгнан на середину комнаты. Юра на своем диване вздрогнул и закашлялся, у него началась агония.

– А мне говорили, что это совсем безболезненная смерть, – прошептал Тим.

– Обычно человек захлебывается рвотными массами, – заметил Жень.

Он взглянул на умирающего, и тот затих.

– Остановка сердца, да? – спросил Тим.

– Да. Мне сделать то же самое для Лео?

Тим кивнул.

Иной перевел взгляд на кровать, и рука Лео бессильно упала к полу.

– И я пошел отсюда!

– Ты арестован, – спокойно заметил Жень.

– До Единого Института Генетики, да?

– Совершенно верно. Поль, – обратился Жень к другому Иному. – Одолжи мне полицейских, а сам приберись здесь.

Поль кивнул.

– Для меня вслух говорил? – спросил Тим, когда они спустились с крыльца.

– Для тебя.

Вслед им из покинутого дома поплыл мутный серый дымок, и Тим почувствовал слабый запах тления.

² Стихи Сергея Калугина.

3. Эксперимент

Я опустил на колени и вынул нож. Встал, пошел на кухню, бросил нож в раковину. Сел, закурил. Одну сигарету, вторую. Что на меня нашло? Кажется, мы выпили не так уж много. Сейчас голова работала яснее некуда. Я бросил окурки в пепельницу. Он был в крови, как и предыдущий.

В соседней комнате стыл труп моего соседа, и я сидел и ждал, когда мне остановят сердце. Все равно, где ждать. Я для них свечусь, как зажженная папироса на позициях противника. Сгусток отчаяния и страха. Удивительно, как я успел выкурить целых две сигареты? Рассеянно открыл пачку. Закурил третью.

Вообще Иные косо на это смотрят. Вполне могут прочитать лекцию о потреблении яда и в красках расписать, что при этом происходит с легкими и кровеносной системой. Хотя что с нас взять, с *homo naturalis*? Теперь, это они *homo sapiens*. Мы лишены этого титула. Зато у меня своя табачная плантация, вполне официальная, разрешенная. Была. Мы имеем право заниматься сельским хозяйством и ремеслом. Для более интеллектуальной деятельности существуют Иные и Высшие. Раньше я был математиком. В общем, правильно. Иной решит любую проблему в сто раз быстрее меня. Я бы и сам перестал этим заниматься, когда появились Иные. Но тогда еще оставалась надежда, что я из них. Внешних признаков хватало. Хорошая память, способности, интеллектуальные интересы. Когда расшифровали геном, мне было двадцать восемь лет. Год, с замиранием сердца я ждал своих результатов...

В общем-то, мне повезло. Я пережил политику тотального уничтожения (меня не ликвидировали за молодостью лет), меня не оставили подсобным рабочим на материке (говорят, это хуже), а отправили сюда, на остров Сейби в Атлантическом океане. Везунчики с острова Сейби... Мы должны выполнять только три условия: никогда не покидать острова, во всем подчиняться Иным и не совершать преступлений. Преступникам обычно останавливают сердце путем изменения потенциалов продолговатого мозга. Очень гуманная смерть.

Я закурил четвертую сигарету. Ареста, расследования и суда не бывает. Зачем? Они и так все видят. И не надо искать преступника. Резкий эмоциональный всплеск в такой-то час, в таком-то районе, и вы видны, как на ладони. И даже, если у вас железные нервы, а ваша жертва не успела испугаться – все равно найдут. Наверное, не бывает людей с железными нервами. Если только это не сотое убийство в вашей жизни. Но таких здесь нет. Вычисляют после первого. Преследовать преступника тоже нет необходимости. Остановить сердце можно и на расстоянии.

Я докуривал четвертую сигарету и был жив. За что мне такая милость? Впрочем, какая «милость»? Ждать милости от Иных – занятие в высшей степени бессмысленное. Я для них всего лишь взбесившееся животное. Самое ужасное, что и для себя тоже. Я не понимал, почему я убил Дика.

Я бросил окурки в пепельницу и пошел в ванную мыть руки. Не потому, что хотел скрыть следы, – просто противно. Долго оттирал запекшуюся кровь. Снял полотенце, вытер руки. Помоему, на нем остались розовые следы. Мне хотелось подышать воздухом.

В прихожей накинул плащ. Не удержался, заглянул все-таки в комнату. На полу, нелепой безжизненной кучей, лежал мой друг Дик, грузный любитель выпивки и застолья. По ковру расплывалось большое красное пятно. Я резко захлопнул дверь. Меня подташнивало.

На улице накрапывал мелкий дождь. Я не стал открывать зонтик, так даже лучше, и пошел по ночному поселку, куда глаза глядят. То и дело во дворах при моем приближении начинали лаять собаки. Я все не мог успокоиться. Сердце бешено колотилось. Почему они не остановят этот проклятый, дурацкий мотор? Почему они медлят?

Если бы я имел дело с людьми, то, наверное, бы решил, что они просто хотят надо мной поиздеваться, помучить. Но Иные никогда ни над кем не издевались и не мучили. Потому что неразумно, потому что «зачем?», потому что бессмысленно. Когда они видели на улице маленького homo naturalis, издевающегося над котом, им даже не было отвратительно – им было странно. Тем более странно, что я был еще жив. Я – убийца. Я представляю опасность. Реакция должна была быть мгновенной. Но ее не было.

Я вернулся домой около пяти часов утра. Трупа в комнате не было. В воздухе стоял слабый запах тления. Значит, они уже побывали здесь и все уничтожили. А я-то уж было понадеялся, что они не знают. Как же! Глупый homo naturalis!

Плюнув на все, я завалился спать. Возможно, остановка сердца во сне – это даже лучше. Как ни странно, я смог заснуть.

Меня разбудил звонок в дверь. Был день. В окно светило солнце. Я зажмурился от яркого света, встал, пошел открывать.

У входа стоял Рой, староста по нашей улице. То бишь посредник между нами и Иными.

– Эжен просил тебя зайти, Клайв, – доложил Рой и уставился на меня широко открытыми глазами. Эжен – это Иной, который нас непосредственно курирует.

– Что ты так на меня смотришь?

– У тебя рубашка в крови.

Я опустил голову. Да, в крови.

– Во сколько я должен прийти?

– В одиннадцать. Дик пропал, ты не знаешь, где он?

– Хорошо, приду.

И захлопнул дверь. Ну, теперь-то, по крайней мере, все выяснится. Я пошел на кухню и налил вина. Для храбрости. При других обстоятельствах я бы никогда этого не сделал перед визитом к Эжену. Обязательно упрекнут за пьянство. Но перед казнью полентясы, смысла нет. Все-таки, зачем они меня туда тащат?

В кабинете Эжена за столом сидел совершенно другой человек. Сам долговязый Иной стоял рядом в почтительной позе. Очень скромный кабинет. Изящно, но без излишеств. Иные совершенно равнодушны к роскоши. Только насмешливо-покровительственно смотрят на людей, вертящих в руках золотые побрякушки. Золото, оно для контактов в микросхемах. Точно с таким же выражением Эжен смотрел на меня, когда в перерывах между окучиванием зеленых насаждений я брал листок бумаги, карандаш и ластик и пытался для собственного развлечения решать математические задачи. Чем бы дитя ни тешилось! Он-то их решал мгновенно, в уме, за то время, пока я аккуратно выписывал «дано». И иногда просто так говорил мне ответ, чтоб я проверил. Что-то он очень интересовался мной в последнее время. Странно. Ведь Иному совершенно неинтересно общаться с человеком. Все равно, что человеку изо дня в день играть с собственной кошкой. А Эжен навещал меня очень регулярно. Вначале это меня пугало. Все-таки неприятно находиться рядом с существом, которое способно убить тебя мыслью. А потом ничего, привык. Человек тоже способен убить. Например, ножом. Дело в намерениях, а не в способностях. Но все же странно. Почему-то только теперь я обратил на это внимание.

Человек, который сидел за столом (хотя какой он к черту человек!), поднял голову, и я узнал его. Это был Серж, наш Высший. Зачем такие церемонии? Он внимательно смотрел на меня. Просто смотрел – считывал информацию. Я расслабился и встал в позу «вольно». Объяснять ничего не надо. Оправдываться бессмысленно. Просто перетерпеть. Если Высший решит, что мне надо остановить сердце, он скажет об этом. Эти всегда говорят. Но Высший сказал совсем другое:

– Пить вино очень вредно, Клайв, особенно в состоянии стресса.

Я посмотрел на него с безграничным удивлением. «Неужели они не знают?»

– Знаем, – ответил он на мою мысль. – Вчера вы совершили убийство. Но вы не опасны. Мы решили сохранить вам жизнь.

– Почему?

– Потому что вы не опасны, – устало повторил он для такого невыносимого тупицы, как *homo naturalis*. – Мы позвали вас специально, чтобы сказать об этом. Не мучайте себя больше. Идите домой.

Я не сразу решился уйти. Просто не знал, что делать. Иной и Высший терпеливо ждали, внимательно наблюдая за мной. Дрессированная обезьяна!

– Спасибо, – нелепо сказал я на прощание и вышел.

Да, конечно, для Иных не существует понятия возмездия. Оно не имеет смысла. Зачем убивать человека, если он не опасен? Законов тоже не существует. Нет более неразумного изобретения отжившего свой век глупого вида *homo naturalis*, чем закон. Степень опасности человека гораздо больше зависит от его внутреннего состояния, чем от совершенных им поступков. Человек, никогда не совершавший убийства, может быть гораздо опаснее того, кто его совершил.

Но в моих рассуждениях что-то не стыковалось. Не сходились концы с концами. Если Иные считают, что я не опасен, значит так оно и есть. В этом они не ошибаются. Но, если я не опасен, как же я мог совершить убийство? Почему я убил Дика?

И я вспомнил, как это было. Значит, вовсе не так много выпил тогда, если вспомнил. Кажется, мы даже не ссорились. Просто говорили о всякой ерунде. Спорили? Возможно. Но не зло. Я обернулся, взял с маленького столика нож. Острый. Почему-то, он был там. Колбасу что ли резали? Мгновенная вспышка ненависти! Его удивленно-испуганный взгляд. Все прошло, как только я вынул нож из его тела. Нет! Еще раньше. Когда он начал падать. Я не понимал, почему я убил Дика!

Я подходил к своему дому. У ворот собралась толпа соседей под предводительством Роя.

– Здравствуйте! – приветливо сказал я и направился к калитке.

Но пройти мне не дали. Кто-то схватил меня за руку и прижал к забору. В грудь мне уперлись чьи-то вилы.

– Отвечай, ты убил Дика? – Рой свирепо смотрел на меня.

– Отпустите! Иные меня простили.

– Да плевать нам на Иных! Дик был классным парнем! Ты ответишь!

Закон возмездия...

– Вы с ума сошли! Они вас всех убьют! Это ослушание!..

Но говорить мне не дали. Дернули за руку, бросили на землю. Кто-то ударил в живот. Я скорчился от боли. Били ногами. Сообща. Увлеченно. Без передышки. Я стонал и глотал собственную кровь. Когда я уже терял сознание, мне послышалось, что кто-то из них упал. Или показалось? Дальше была тьма.

Вечером возле дома представителя вида *homo naturalis* по имени Клайв появились два сотрудника Института Контроля Сознания острова Сейби, Серж и Эжен, точнее Сергей и Евгений, Высший и Иной. Трупы обезумевших людей, напавших на хозяина дома, не убрали в целях воспитательных. Чтоб другим не повадно было. Самого Клайва увезли в больницу еще несколько часов назад.

«Мы его вытащим, конечно, – помыслил Женя. – Если надо».

«Очень жаль терять такой экспериментальный материал», – ответил Серж.

Эжен протянул руку в сторону тел, и они начали разлагаться. Серж поморщился.

«Как ты думаешь, Серж, они вообще управляемы?»

«Почему нет? Мы многого добились. Выбрав человека, наименее склонного к агрессии из всего поселка, мы смогли заставить его совершить убийство. Дальнейшие наблюдения пока-

зали некоторую разбалансировку психики, но не привели к повышению агрессивности. Даже наоборот. Овечка осталась овечкой. Причем психику опытного экземпляра легко удалось привести в норму».

«Зато сдержать агрессивность оказалось гораздо труднее. А это ведь для нас важнее. Этих оказалось проще убить».

«Агрессивность других, Женя. Это, во-первых. Такие, как Клайв, безусловно управляемы. Остальные – посмотрим. Возможно, их следует разделить. Все-таки они полезнее остальных животных и способны к более сложной деятельности. Жаль их не использовать».

«Разделить по каким параметрам?»

«Это сложный вопрос. Надо провести исследования».

«Уровень интеллекта?»

«Не обязательно. К тому же они так мало отличаются друг от друга по интеллекту, что очень трудно было бы проводить селекцию. Тяжело работать с такими малыми флуктуациями».

«Агрессивность?»

«Возможно. Хотя то, что мы потеряли соседей Клайва, объясняется не только их агрессивностью. Просто мы их не вели с самого начала, а попытались установить контроль уже в момент нападения, в стрессовой ситуации. И потерпели поражение. А главное мы не вели Роя, а он оказался вожаком. Остальные просто поддались влиянию. Старосту в любом случае надо было вести. Мы слишком сосредоточились на Клайве. Но мы продолжим исследования. Так что Клайва вытаскивайте. Тем более что мы его на это подбили».

Иной удивленно посмотрел на Высшего. Логика последней фразы была для него непонятна. Но Высшие поступают, как Высшие.

4. Homo passionaris

Я вышел из бассейна, ступил на каменный пол. Слуга подал мне руку и протянул полотенце.

– Спасибо, Алеша.

– Всегда рад помочь вам, ваби, – он просиял.

Я привычно просканировал его сознание. Он был совершенно искренен. Можно и не проверять. Удивительно, насколько для homo naturalis важны узаконенные слова благодарности! Казалось бы, пустое сочетание звуков, не содержащее информации! Однако для сохранения стабильности в обществе мы должны знать особенности психики homo naturalis и использовать их. В общем-то, нетрудно произнести некоторую совокупность звуков с соответствующими модуляциями голоса и тона, выражающими расположение, если такая малость способствует миру в доме. Лучше добиться, чтобы слуги тебя любили, чем каждую минуту ждать бунта.

Пока Алеша помогал мне одеваться, я брезгливо изучал свое поношенное тело. Да, пора подводить итоги. Триста пятнадцать лет. Механизм регенерации работает все хуже. Энергетика падает. Я больше не могу лечить представителей низших видов. Если кто-то из моих слуг заболит, мне придется посылать его к другому Иному. Правда иногда забегает Серж или Тим. Что им, Высшим? Все, как мальчишки. Неизвестно, умирают ли они вообще. Пока не было случаев. Зато мы уходим. Медленно, но неуклонно, один из другим, первое поколение Иных покидает Землю.

Я посмотрел на себя в зеркало. Лицо в морщинах, серая сморщенная кожа на руках, крючковатые пальцы. Старик. Я запахнул халат. Существует мнение, что теоретический предел продолжительности жизни Иных – около трехсот пятидесяти лет. Наверное, так оно и есть. Но до этого времени есть некоторое пространство для маневра. Можно завершить все дела и самому выбрать момент, в который остановить себе сердце. Не ждать же, когда тебя начнут возить на инвалидном кресле. Это неразумно. Столь глупо цепляться за жизнь способны только homo naturalis. Ко мне и так уже приставили троих личных слуг. Старику трудно самостоятельно одеваться, выходить из бассейна и подниматься по лестнице. Уж не задержался ли я на этой земле? У Иного должен быть один слуга. Тот, который занимается бытом. Остальное Иной и сам сделать в состоянии. Но не иметь слугу совершенно неразумно. Не тратить же время Иного на приготовление пищи!

– Алеша, проводи меня, пожалуйста, в кабинет, а потом принеси горячего молока.

Вот и Алеша тоже мог бы заняться чем-нибудь более полезным, чем ухаживать за немощным стариком. Сидел бы где-нибудь на предприятии за компьютером и наблюдал за процессом производства, или занялся сельским хозяйством, или какой-нибудь другой работой, на которой рационально использовать Иного.

– Да, ваби, – Алеша наклонил голову и взял меня под руку.

«Ваби» – это обращение представителя низшего вида к представителю высшего, например, homo naturalis к Иному, или Иного к Высшему. Вошло в употребление двести шестьдесят лет назад. Это не господин, не Бог, не хозяин. Это одновременно все вместе и совсем другое. Тиму и Сержу я тоже обязан говорить «ваби», но они это пресекают. Им не нравится. Все-таки когда-то были людьми. С Высшими от рождения общаться труднее. Но их очень мало.

Я сел за письменный стол в кабинете и взял магнитную карту. Алеша побежал за молоком. За высоким окном во всю стену под ветром и дождем гнулись деревья. После того, как отошел от дел, я покинул город и доживаю свой век на даче, в пятидесяти километрах от столицы. Пишу воспоминания. Думаю, это полезно для изучения психологии не только homo naturalis, но и Иных. Когда закончу, попрошу Тима передать их в Институт Общей Психологии. Но это

потом. А сегодня у меня один из самых тяжелых эпизодов. Я должен написать о своем сыне. Точнее об одном из моих сыновей, о Константине.

Константин... Мой сын. Даже, если бы он был жив, он никогда бы не смог прочитать мою книгу. Homo naturalis, он не был способен ни изменять намагниченность ферритов, ни непосредственно воспринимать эту информацию. Ему бы понадобился компьютер, спроектированный специально для представителей низшего вида, с клавиатурой и монитором, и программа-преобразователь, переводящая информацию в символы их примитивной азбуки. А такой универсальной программы, насколько мне известно, на данный момент не существует. Низшим не обязательно читать наши книги. Они для них слишком сложны. Техническую же информацию, необходимую для работы homo naturalis, можно нанести на карту или диск и с помощью обычных символов, воспринимаемых компьютером.

Это произошло двести пятьдесят три года назад, в эпоху масштабных генетических экспериментов. Популяция Иных была еще очень мала и с трудом удерживала власть. И мы все-таки задумались о том, чтобы увеличить нашу численность, ведь Иные размножаются гораздо медленнее homo naturalis и испытывают значительно меньшую потребность в сексе. От брака двух Иных разумеется рождался Иной, причем с полу-активизированным геном. Наши дети не могли только убивать мыслью и, как следствие, и лечить других. Полная активизация происходила к двадцати годам. Но этого было мало.

Может ли родиться Иной от брака Иного и homo naturalis? Выяснилось, что может. Хотя менее чем в тридцати процентах случаев. Но и это обнадеживало. Такие браки стали очень популярны. Тем более что закономерность долго оставалась невыясненной. Не хватало статистики.

Я тоже взял к себе в дом девушку homo naturalis. Удовольствие небольшое. Низшие глупы, капризны, эгоистичны, требовательны и ленивы. Неудивительно, что они придумали какую-то там любовь! Далеко не каждые двое низших способны ужиться друг с другом. К тому же они еще и ревнуют! Когда я уходил к Алине, моей постоянной подруге, Иной, эта homo naturalis (ее звали Кира) устраивала мне скандал, и я тратил время на то, чтобы ее успокоить. А потом все-таки шел к Алине, чтобы отдохнуть душой.

У Алины были те же проблемы. Она решила принять участие в эксперименте и взяла к себе в дом homo naturalis. Но сразу поставила его на место, объяснив, что он просто слуга с особыми обязанностями и относилась к нему, как к слуге. Я с Кирой так поступить не мог, потому что она носила моего ребенка. Я вынужден был ее опекать.

Мне не повезло. У нас родился сын, Константин, и генетический анализ показал, что он низший. Это меня опечалило, но ненадолго. Потому что через полгода у меня родился еще один сын. Его назвали Игорем. Он был Высшим с латентным геном. И его матерью была Лера, Высшая.

Высших было еще меньше, чем нас. И гораздо меньше, чем необходимо. Для стабильности и развития общества на каждые сто Иных должен приходиться по крайней мере один Высший. А получалось на каждые триста, четыреста. В результате некоторые Иные подчинялись не Высшим, а другим Иным, что неправильно. Иные равноправны. Конечно, Высшему достаточно было сказать слово, чтобы установить иерархию, но оставалось ощущение некоторого несовершенства.

Высшие с полу-активизированным геном рождались только от брака двух Высших, и от брака Высшего и Иного в небольшом проценте случаев мог родиться Высший с латентным геном. Это был тот самый случай. Невероятная удача!

Не знаю, правда, насколько отношения со мной были приятны для Леры. Я мысленно наложил на них мои отношения с Кирой. Нет, я конечно во всем подчинялся Лере, ведь она Высшая, и естественно ничего не требовал. О таком отвратительном явлении, как ревность,

тоже речи быть не могло. Мы с Алиной почтительно принимали Леру, ведь визит Высшего всегда подарок для Иного. Но я ее все же спросил:

– Ваби, я вас не раздражаю?

Она рассмеялась.

– Нет. И не называй меня «ваби».

Когда родился Игорь, мы решили, что не случится ничего страшного, если он будет воспитываться у нас вместе с человеком. Все равно ген нельзя активизировать раньше двадцати лет. А для Высшего и раньше тридцати нежелательно. При ранней активизации Высший может так и не овладеть всеми своими способностями. Как Тим, который стал Высшим в двадцать лет и в результате до сих пор на положении полу-иногo. Лера собиралась в отдаленный исследовательский центр на островах и полностью поддержала это предложение.

Так получилось, что Игорь и Константин воспитывались вместе. Когда им исполнилось по пять лет, их отдали в школу для Иных и Высших с латентными генами. Константин был там не единственным человеком. В принципе, если ген не активизирован, Иной или Высший усваивает информацию с такой же скоростью, как человек с хорошим (для *homo naturalis*) уровнем интеллекта. Так что пока их можно обучать по одной программе. После активизации гена Высший быстро наверстает упущенное.

Братья были очень дружны и не разлучались, хотя уже понимали разницу своего положения. Прошло пять лет. На этом образование Константина должно было закончиться. Он умел читать и писать на примитивном языке *homo naturalis*, имел навыки обращения с компьютером и общие представления о мире. Теперь ему надо было начать обучаться ремеслу или прислуживать в доме. Мы имели право на еще одного слугу, и я склонялся к последнему решению. Но возникло неожиданное препятствие, а именно, Игорь ни в какую не хотел расставаться с братом.

– Это неразумно, Игорь, – увещевал я. – Зачем Константину усваивать горы совершенно ненужной для него информации, которую он все равно никогда не сможет использовать? Он только потеряет время. Через год он уже не будет помнить половину того, что учил год назад. Это бесполезно. Пожалей своего брата.

– Костя хочет учиться, и мне без него будет скучно. К тому же я тоже многое забываю.

– Это тебе так кажется. Ты сразу все вспомнишь, как только тебе активизируют ген. А на *homo naturalis* бесполезно тратить усилия.

– На него не будут тратить усилия. Наставники могут не обращать на него внимание. Я буду сам проверять его контрольные.

– Зачем?

– Я хочу сделать его своим слугой. Я хочу, чтобы у меня был образованный слуга, с которым мне будет интересно общаться.

– Когда тебе активизируют ген, тебе даже со мной будет неинтересно общаться, не то, что с *homo naturalis*. Ты – Высший.

Игорь надулся. Он был упрям, как истинный *homo naturalis*. Я вздохнул. Еще двадцать лет ждать, когда сын выйдет из этого полубезумного состояния!

– Это запрещено, – привел я последний аргумент. – Это против всяких правил.

– А кто может разрешить?

– Только Высший.

На этом разговор и кончился. Я приказал подготовить комнату для нового слуги, поскольку каникулы заканчивались, и Игорь должен был вернуться в школу, а Костя учиться убираться в доме, готовить обед и привыкать к новому статусу.

Когда все было готово, я позвал его.

– Костя, с сегодняшнего дня ты не должен называть меня отцом. Ты становишься слугой. И, хотя я всегда буду относиться к тебе с любовью, ты должен называть меня «ваби», как все слуги.

Он прикусил губу и мотнул головой:

– Я не хочу быть слугой, отец.

– То, что ты сейчас сказал, очень плохо. Конечно, ты можешь выбрать для себя ремесло, и я обдумаю твои предложения. Но ты не имеешь права принимать решения. Ты – homo naturalis. Твой долг и судьба – во всем подчиняться Иным. И, поверь мне, так для тебя лучше. Люди не способны принимать правильные решения.

В этот момент раздался звонок в дверь.

– Пойди, открой! – приказал я Косте.

Но он упрямо стоял на месте.

– А ты знаешь, что я могу остановить тебе сердце?

– Я – твой сын.

– Для Иного это не имеет абсолютно никакого значения.

– Потихе, Женья! Не так жестоко! – в дверях стоял Тим и мило улыбался. За руку его держал Игорь и сиял, как весеннее солнышко. Именно Игорь Тима, а не наоборот.

Я встал и почтительно поклонился.

– Рад приветствовать вас в моем доме, ваби.

– Да садись ты! Почто парня довел почти до слез? – и Тим плюхнулся в кресло.

Я посмотрел на Костю. Да, он чуть не плакал.

– Это необходимо, ваби, вы же знаете. Изменение статуса всегда болезненно воспринимается.

– Так что помягче нельзя, если болезненно воспринимается? Между прочим, меня зовут Тим.

– Прости, Тим. Возможно, я поступил недостаточно разумно.

– Естественно. Милосердие, между прочим, может быть очень разумным параметром.

Костя, иди сюда.

Костя несмело подошел к Высшему. Тот взял его за руку.

– За тебя очень просил твой брат, и я разрешаю тебе учиться.

Я удивленно посмотрел на него.

– В школе я уже договорился. Ты будешь Игорю слугой, когда закончишь образование?

Костя посмотрел Тиму в глаза. Очень рискованное предприятие для homo naturalis. Взглядом Высший может лишить его воли. Поэтому для низшего это жест открытости, то есть «делай со мной все, что угодно, хоть останови сердце».

– Я очень люблю Игоря, товаби, но я не хочу быть слугой. Никому.

«Товаби», обращение homo naturalis к Высшему (неизмеримо высший), плохо сочеталось со смыслом фразы. Тим помрачнел.

«Вот видишь», – подумал я для него.

«Вижу», – ответил он. – Это подтверждает некоторые мои предположения».

– Чем бы ты хотел заниматься? – вслух спросил Тим, и в его голосе послышались жесткие нотки.

– Музыкой, товаби. Даже мой отец говорит, что у меня есть способности, – и он покосился на меня. Ну, уж конечно, я не могу сказать о нем ничего хорошего!

Да, способности у него были. Я вспоминал свою юность, когда он перебирал гитарные струны. Тогда, еще до того, как стал Иным, я любил петь для своих одноклассников. У меня был очень хороший голос. Потом почти все они погибли в период политики тотального уничтожения. И я приложил к этому руку. Я потом выяснял. Среди них не было Высших.

Потом я пел в лесу, когда был агентом и путешествовал с отщепенцами, изображая человека. Им нравилось. Да, у Кости есть слух. Он может развлекать низших. Это неплохое ремесло. Для Иных и Высших, искусство *homo naturalis* совершенно неинтересно, слишком примитивно, также как для низших непонятно, а иногда и просто вредно искусство Иных. Так что развлечением низших лучше всего заниматься низшему.

– Музыка – это хорошо, – ответил Тим. – Для стабильности в обществе *homo naturalis* должны иметь понятные для них развлечения. Ты сможешь продолжить занятия. А пока, ребята, идите, погуляйте. Мне нужно пообщаться с вашим отцом.

«Спасибо, что помешал мне принять недостаточно разумное решение, – помыслил я, когда они ушли. – Конечно, Косте надо заниматься музыкой. Но он должен очень четко понимать, кто он. Иначе в будущем это приведет к большим срывам, чем сегодня. Зачем ты отправляешь его учиться в школу, где он не имеет право находиться по своему статусу? Для низших есть специальные музыкальные центры. Он мог бы учиться там и одновременно прислуживать по дому, чтобы получить достойное *homo naturalis* воспитание и привыкнуть подчиняться. Для музыканта это также важно, как для всех остальных. Он все равно *homo naturalis*».

«Это разумно, но есть некоторые особые обстоятельства. Мы провели исследования. Геном твоего Кости, также как и других потомков Иных и *homo naturalis*, несколько отличается от обычного человеческого. Они не наследуют основной ген изменений, то есть, конечно, никогда не изменятся, как мы. Но у них есть некоторые гены, характерные, в основном, для Иных. У людей эти гены тоже встречаются, но очень редко и не в таком сочетании. И даже с таким очень урезанным набором это люди, как правило, очень выдающиеся. Уровень первооткрывателей прошлых веков. Для Иного, конечно, все равно ерунда, но они могут стать переходной ступенькой от *homo naturalis* к Иным. Мы даже их называем немного по-другому: «*homo naturalis+*». Да, пока это все предположения. Но надо изучить вопрос. Интересно, что это такое? И образование твоего Кости – одна из частей эксперимента».

Я посмотрел на Тима. Все-таки Высшие чем-то похожи на не в меру любопытных детей.

«Воля Высшего для меня закон. Но, если Костя так и останется обычным *homo naturalis*, после школы для Иных и Высших ему очень трудно будет вписаться в человеческое общество. У него может быть нервный срыв».

«Воля Высшего значит воля Высшего. Пристрою я твоего Костю. Не беспокойся».

Прошло восемь лет. Костя учился в школе хорошо, ничуть не отставая от своих одноклассников. Те пытались им помыкать, зная, что он низший, но Костя не обращал внимания. Я регулярно выговаривал ему за это.

– Ты – *homo naturalis* и должен подчиняться любому Иному или Высшему.

– А Игорь считает, что не должен, – легкомысленно отвечал он.

Игорь был всегда на его стороне.

– Он мой брат, и, если тебя нет рядом, отец, он должен подчиняться мне. Я его ваби.

– Ты не ваби. У тебя ген не активизирован.

– У них тоже. Они не имеют права приказывать.

– Он должен привыкать. Потом будет труднее.

– Легче. Настоящему Иному или, тем более Высшему, подчиниться легче, потому что его превосходство очевидно.

Игорь все еще надеялся сделать Костю своим слугой, а заодно личным менестрелем. Да, Костя вырос в высокого черноволосого парня и действительно очень неплохо для *homo naturalis* играл на гитаре.

– Тебя перестанут интересовать мои песни, когда ты изменишься, – говорил он своему брату и был совершенно прав.

Пролетело еще три года. Костины одноклассники один за другим становились Иными, начинали смотреть на бывшего друга с покровительственной полуулыбкой и покидали кол-

ледж. Игорю же предстояло учиться всему, чему только можно еще лет десять. А значит, расставание было неизбежным. Номо naturalis, закончивший несколько факультетов, – это уж слишком. Совершенно неоправданные затраты. Тим это тоже понимал. В конце очередных каникул наступила развязка.

Костя пришел ко мне. Смирненно, с поклоном, как к своему ваби, и попросил отпустить в резервацию.

– Костя, дома работы много, – попытался возразить я.

Мы, Иные, очень любим говорить о том, что у нас нет привязанностей. Мне кажется, что это не совсем так. Да, наши привязанности строго подчинены разуму. Разум приоритетен. Если привязанность неразумна, она отсекается почти без усилий. Но все же они существуют. Мне просто не хотелось расставаться со своим сыном. Возможно, навсегда.

Костя замотал головой. Я так и слышал его мысли: «Не хочу быть слугою!» Но вслух он почтительно сказал:

– Простите меня, ваби, я очень прошу вас выдать мне разрешение.

Ладно. Что с тобой сделаешь! В конце концов, мои возражения совершенно неразумны. Конечно, музыкант, занимающийся развлечением низших, должен жить в резервации. Я сел за стол и взял магнитную карточку.

– Куда?

– На остров Сейби.

– Только не на Сейби! – почти закричал я. Я слишком хорошо знал, чем там занимаются.

– Почему, отец? – Костя так растерялся, что даже забыл о почтительности. – Товаби сказал мне, что там очень хорошие условия. И что он сам проследит, чтобы у меня была работа. Даже обещал студию.

– Какой «товаби»?

– Тим.

Понятно. Тим, значит. Вырастил себе подопытного кролика. Воля Высшего.

– Сейчас напишу, – спокойно сказал я.

– Отец, что там, на острове Сейби?

– Ничего. Все нормально. Воля Высшего – Закон.

– Что?! Ответь мне! Я должен знать!

– Ты должен подчиниться воле Тима. Вот, возьми разрешение, – я протянул ему карточку.

– Иди. И только попробуй послушаться!

Он поклонился.

– Спасибо, ваби. Я благодарю вас.

И вышел из комнаты.

Через три дня со мной на связь вышел Тим.

«Где твой сын? – прогремела у меня в голове его мысль. Тим был крайне недоволен. – Ты дал ему разрешение?»

«Конечно, ваби».

«Куда?»

«На Сейби».

«Тогда почему он до сих пор не там?»

«Не знаю».

«А ты знаешь, что в одной из резерваций в Америке, homo naturalis с аналогичным генетическим набором поднял бунт и захватил Иного, а в Иркутске такой же низший захватил заложниками еще несколько низших, и Иные почему-то не смогли его убить. Сейби, Женья, – это единственное спасение для твоего сына. Жесткий контроль и ограниченное пространство».

«Костя – очень добрый мальчик».

Я хотел бы сказать «послушный», но это уж совершенно не соответствовало действительности. Послушный был бы там, где ему сказали.

«Об этих ребятах тоже никто не отзывался плохо. Способные, добрые, милые. Даже послушные и почтительные. Только слугами быть не хотели. Но это уж дело вкуса. Не запрещено же».

«Тим, это я виноват».

«Ну, наконец-то! Что ты ему рассказал?»

«Ничего. Но я попытался запретить ему туда ехать. Я не знал, что это твой приказ».

«Женя, не договариваешь. Твой запрет скорее был бы для него лишним аргументом в пользу острова Сейби. Костя слишком хорошо запомнил, как ты заставлял его называть себя «ваби» и пытался сделать слугой. А я для него был избавителем. Он верил каждому моему слову, и когда я рассказал ему о прекрасном острове Сейби, он очень загорелся этой идеей».

«Я слишком эмоционально это сказал. Я потерял контроль над собой».

«Так. Слишком эмоциональный Иной, потерявший контроль над собой. Это уже интересно. Жди. Я сейчас приеду».

Я сел ждать. Подумал, есть ли у меня незавершенные дела. Если бы это произошло сейчас, я бы обязательно попросил Тима разрешить мне дописать воспоминания, изолировав от общества на этот период. Но тогда я не занимался сочинительством. Все было в порядке. Я был готов. Проанализировал решение на разумность. Да, Иной, потерявший контроль над собой, – существо слишком опасное. Решение о моей ликвидации было абсолютно разумным, и у меня не было причин ему противиться. Чтобы убить Иного, Высшему необходимо находиться рядом, я все-таки не *homo naturalis*. Я был уверен, что Тим едет сюда, чтобы остановить мое сердце.

Слуга впустил его, и я встал к нему навстречу, поклонился и сразу почувствовал, что он сканирует мое сознание. Подождал, пока он закончит.

«Садись, Женя. Не так все страшно. Почти в пределах нормы. Ты себя контролируешь. Бывает значительно хуже. Недавно я столкнулся с тем, что Иной в аналогичных обстоятельствах испугался за свою жизнь. Совсем, как *homo naturalis*. Очень серьезное психологическое расстройство. Мы предположили органическое повреждение мозга и не ошиблись. Пришлось остановить ему сердце».

«Ваби, я думаю, что меня все же разумнее ликвидировать».

«Вы, Иные, не видите дальше своего носа. Я лучше знаю, что разумнее. Лечится – значит лечится».

Он покопался в моих мозгах, и, кажется, что-то там сделал. Так что голова у меня начала запрокидываться назад, а потолок пополз вперед и вниз.

«Выпей водички. Сейчас все пройдет. Небольшая стабилизация психики. Теперь все в норме. Абсолютно».

И я понял, что должен непременно помочь ему поймать Костю и отправить его на Сейби.

«Ну, вот и прекрасно. Теперь поговорим о твоём сыне. Как ты думаешь, где он может быть?»

«Он беглец. Должен светиться. Повышенный уровень эмоциональности».

«Я его не вижу. Странно. Последнее время у нас был хороший контакт. Попробуй ты». Я поискал. Пусто. Как будто его не было вообще.

«Может быть, с ним что-нибудь случилось?»

«Исключено. В момент его смерти, ты бы почувствовал эмоциональный всплеск. Ты – его ваби. Даже до меня бы докатилось. А сейчас такое впечатление, будто он совершенно спокоен. Ладно, придется вести расследование традиционными методами. По старинке».

Как выяснилось, три дня назад Костя пришел в Центр Управления Резервациями и предъявил разрешение. Иной, который этим занимался, прочитал его и заверил. Все было в

порядке. Почти. Вызывало подозрение только одно: на разрешении не был указан пункт назначения. Иной заметил это Косте.

– Дело в том, что мой ваби – одновременно мой отец, – объяснил низший. – Он разрешил мне самому выбрать пункт назначения, ваби.

– Так надо было ему сказать о своем выборе, чтобы он указал его в карточке, – упрекнул Иной. – Кто твой ваби?

– Евгений Поплавский, ваби.

Это имя пользовалось уважением. Иной посмотрел на низшего. Тот говорил правду.

– Ладно. Мы сообщим твоему ваби о том, где ты, по его первому требованию. Что ты выбираешь?

– Южноуральскую резервацию, ваби.

Иной кивнул и вписал название в карточку.

– Так. На дорогу дается семь дней. За это время три раза можно туда доехать и обратно вернуться. Это твой пропуск, – он протянул карточку. – Действителен тоже семь дней. Если вдруг в дороге что-нибудь случится, заходишь в наше местное отделение и говоришь в чем дело. Если задержка не по твоей вине, пропуск продлят. Но лучше не опаздывать. Опоздание считается преступлением. Деньги на дорогу есть?

– Да, конечно, ваби.

«Зря вы с ним так жестко, – помыслил Тим для чиновника Управления, когда тот закончил свой рассказ. – Он очень гордый».

Иной посмотрел на Высшего удивленно. С чего это ваби носится с каким-то homo naturalis, как с писаной торбой? Но у Высших, у них своя логика.

«Еще очень зря, что вы ему не просканировали сознание».

«Он не вызвал подозрений. Очень милый парень. С гитарой за спиной. Вежливый, спокойный. Не проявил ни капли непочтительности».

«Спокойный?»

«Да, он совершенно не волновался».

«Женя, как ты мог не вписать Сейби в карточку?» – поинтересовался Тим, когда мы вышли из управления.

«Ума не приложу. Удивительно, но я даже не могу понять, вписывал я его или нет».

«Не вписывал. Но неумышленно. Это было как раз, когда Костя упорно спрашивал тебя, что же такое Сейби. Момент потери контроля. Но это еще не самое странное. Меня гораздо больше интересует, откуда Костя узнал, что туда не вписан пункт назначения».

«Может быть, не знал. Просто по ходу дела сообразил воспользоваться моей оплошностью, чтобы уехать в другое место».

«Если так боялся Сейби, для него было бы логичнее сбежать сразу, до похода в Центр Управления Резервациями».

«Это слишком решительный шаг. Человек сразу оказывается вне общества. Очевидное зло. А что такое Сейби – еще непонятно».

«Может быть и так. По крайней мере, теперь мы знаем, где он. Сегодня же я свяжусь с Уфой и отдам приказ о его аресте».

«Ты его убьешь?»

«Ни в коем случае. Он нужен мне живым».

Но в Южноуральской резервации Кости не оказалось. Запросили соседние. Тот же результат. Объявили глобальный розыск. Ничего. Константин исчез. Казалось, бесследно.

Несколько месяцев не было никаких вестей. Пока не стало известно о появлении под Томском таинственного отряда низших, занимавшегося разбоем и убийствами Иных. Таинственность отряда заключалась в том, что его не могли обнаружить по повышенному эмоциональному фону. Отряд-невидимка. Потом стало известно, что низшие захватили склад оружия

и строят где-то в тайге укрепленный лагерь. А еще через месяц отряд homo naturalis прорвался в Томскую резервацию и вывел оттуда несколько сотен низших. Заговорили о втором томском бунте. Первый произошел на заре политики тотального уничтожения, когда под Томском была организована первая резервация для homo naturalis, и имел еще более разрушительные последствия.

В этот же вечер ко мне зашел Тим.

«Ну, что, похоже, мы нашли твоего сына. Твой милый мальчик с гитарой под Томском развлекается».

«Не может быть!»

«Не обманывай сам себя. Все сходится. И место, и время, и свойство невидимости. Завтра летим в Томск. Это наш с тобой крест. Серж нам помочь собирается. Он ведь тоже большой специалист по лесам, как и ты».

Под Томском мы обходили деревни, расспрашивали местных жителей, всем без исключения сканировали сознание. Искали в лоб, методом тыка, но нашли. Вскоре мы с точностью до километра знали расположение лагеря. Тогда туда были посланы войска.

Тим планомерно обходил всех командиров с портретом Кости и убеждал взять его живым.

– Ну, если получится, – с сомнением отвечали военные.

Через несколько дней лагерь был окружен, и кольцо начало сжиматься. По информации перебежчиков вождь бунтовщиков еще был там и продолжал сражаться. Его описание полностью совпадало с приметами Кости. Мы больше не сомневались. Перебежчиков не убивали, даже не наказывали. Просто отсылали в отдаленные резервации. Мы не хотели пресечь этот поток. Нам нужны были новые сведения.

Лагерь обстреливали нещадно, жгли и бомбили. Через неделю по нашим подсчетам там осталось не более сотни защитников. А потом произошло резкое изменение эмоционального фона. Повстанцы неожиданно стали видны. Это могло означать только одно: Константин убит. За глобальным изменением эмоциональности мы могли не заметить этого локального всплеска. Теперь можно было действовать просто. Остановить сердца всем бунтовщикам. Причем, можно одновременно.

«Нет, только не одновременно, – возразил Тим. – Каждому в отдельности. И смотрите, что за человек. Вдруг, Костя еще жив».

В тот же день мы начали эту работу, приказав военным прекратить стрельбу. Поток беженцев резко увеличился. Вечером в нашей палатке у нас в ногах валялся здоровый мужик и бился в истерику.

– Они падают прямо у костров, рядом с землянками, один за другим, без всякой причины. Это ужасно! Прошу вас, прекратите! Пощадите нас!

– Удел homo naturalis – слушаться Иных, – жестко сказал Тим. – Когда вы нарушали это правило, вы знали, на что шли.

– Там женщины, дети! Неужели вы всех их убьете?

Тим брезгливо поморщился. Это было смешно даже для Высших с их странной логикой. Нет ничего более глупого, чем спасать в первую очередь самых беззащитных. Спасать надо самых полезных, самых ценных для общества, тех, кто больше всего достиг. Ха! Женщины! Дети! Сказал бы он нам лучше, где Константин, если он жив!

– Где Константин? – спросил Серж.

– Наш вождь? Я вам скажу, если вы пощадите оставшихся в живых.

– Он еще и торгуется! – усмехнулся Тим. – Просканируй ему сознание.

– Ну, что ж, пусть поторгуется, – пожал плечами Серж. – Жаль тратить на него энергию.

У меня следующее предложение: мы объявляем час, в течение которого из окружения в наш

лагерь могут перейти все желающие. Мы сохраним им жизнь. За остальных поручиться не могу. Это будет их выбор. Устраивает?

– Да. Костя в одной из центральных землянок. Чуть к северу. Вход завешен синей палаткой. Там одна такая. Он тяжело ранен. В живот. Лежит без сознания... Он умирает.

Все-таки просканировали. Правда.

– Ну, зачем я сказал «час»? – опечалился Серж.

Однако обещание выполнили. Исполнение обещаний вызывает уважение низших. И это понимали уже тогда. Лучше завоевать авторитет, чем подавлять бунты. Мы, конечно, не должны опускаться до морали. Мораль – удел низших, искусственная замена разума для недостаточно интеллектуальных существ, костыль для безумцев. Но иногда требования морали совпадают с выводами рассудка.

Из окружения вышло не так уж много людей, в основном, женщины и дети. Homo naturalis остались со своим вождем. Как только час подошел к концу, с точностью до секунды, мы оставили сердца всем повстанцам. Одновременно. Не тронули только Костину землянку. Сами пошли туда по вымершему лагерю, лавируя между трупами. Я отодвинул синий полог. Из землянки на меня смотрело дуло автомата. Тим среагировал мгновенно. Костин защитник не успел выстрелить, прежде чем ему было остановлено сердце.

В землянке горела единственная свеча. Серж зажег фонарик. В глубине комнаты, на каком-то старом плаще лежал Костя. Он был невероятно бледен. Больше никого.

Тим подошел к Косте и занялся его раной. Бывший вождь повстанцев был еще жив. Тим снял кровавые гнойные бинты, убил бактерии, вывел гной, вынул пулю, восстановил нарушенные функции, стянул края раны, перевязал.

– Homo naturalis, – сказал он. – Очень плохая способность к регенерации. Я еще займусь его раной в стационарных условиях. Но, надеюсь, выкарабкается.

Потом Тим посмотрел ему в лицо. И Костя открыл глаза.

– Тим, – прошептал он. – Сделай же, что-нибудь, Тим! Как больно!

– Все, что надо, я уже сделал. А что касается боли, то это очень полезный механизм природы, служащий выживанию низших видов, не обладающих достаточной силой разума.

– Тим, отключи ее к чертовой матери! Ты же можешь!

– Не вижу необходимости.

– Почему вы меня не убили? Отец, ты тоже здесь? Почему я еще жив?

– Воля Высших.

– А-а.

Из нашего лагеря принесли носилки. И мы приготовились погрузить на них Костю.

– У него будет болевой шок, – заметил Серж.

– Ладно, живи! – бросил Тим, и Костя задышал ровнее.

– Спасибо... Товаби. И... как вас зовут? – он посмотрел на Сержа. – Ваби? Товаби?

– Серж. Товаби, хотя это не важно.

– Спасибо, у вас есть сердце, товаби.

– Действительно есть, но во всем подчиненное разуму, – усмехнулся Серж.

– Хоть что-то!

Костю аккуратно положили на носилки и доставили в лагерь. Несколько дней он провалялся в Томской больнице, прикованный наручниками к кровати. Тим опекал его.

– Тим, что произошло в лагере, после того, как меня ранили? – спросил Костя, когда ему стало лучше.

Тим рассказал. Костя полу-прикрыл глаза.

– А что же меня забыли, Тим? Всех же убивали. Объясни мне волю Высших, товаби. Что вы теперь со мной сделаете?

– Увезем на остров Сейби, куда ты с самого начала должен был уехать.

– А-а. Что такое остров Сейби? Скажи мне, я же теперь никуда от вас не денусь. Только не пытайся убедить меня, что это что-то обычное.

– Совершенно обычное. Это экспериментальный центр.

Костя нервно рассмеялся.

– Всего-то! А я думал преисподняя!

– Ну, не так жестоко.

– Хотя для белой мыши и лабораторный корпус – преисподняя.

Все, что происходило потом, я знаю со слов Тима и Сержа. Через пару недель Костя окончательно поправился, и его посадили на аэробус, летевший рейсом в Канаду, чтобы оттуда маленьким самолетом отправить на Сейби.

Он сидел в самолетном кресле в наручниках. Справа и слева находились Тим и Серж. Мимо проходила стюардесса, разносившая напитки.

– Мадам, вы прекрасны! – обратился к ней Костя.

Девушка оглянулась.

Костя поднял руки в наручниках и поместил их над головой, на спинке кресла. Стюардесса растерянно смотрела на него.

– Мадам, вы думаете это Иные, те, что сидят по обе стороны от меня? О, нет! Это двое Высших. Не верите? Кто я такой, что меня содержат под охраной двух Высших? Древний великий король? Мифологическое существо? Инопланетянин? Нет, и еще раз нет. Я – ценный экспериментальный материал. А везут меня на остров Сейби. Знаете, что такое остров Сейби? Это...

Вдруг Костя начал медленно падать вперед, прервав речь на полуслове. Тим удержал его и уложил на кресло.

Девушка с ужасом смотрела на Высших. Посуда дрожала у нее на подносе.

– Вы его убили... Ваби?

– Нет, что вы. Усыпили. И товаби. В этом наш подопечный был совершенно прав.

– Вам принести кофе или вина, товаби?

– Воды. Разве вы не знаете, что Высшие не оскверняют себе сознание?

Во избежание новых эксцессов Косте позволили прийти в себя уже только на Сейби. Он очнулся в маленькой комнате с белыми стенами и небьющимся стеклом в окне. Окно выходило во внутренний двор. Рядом был Тим.

– Вот значит, как содержат лабораторных крыс, – сказал Костя. – Очень на мыльницу похоже. Здесь везде пластик, да?

– Да.

Больше эксцессов не было. Костя охотно отвечал на вопросы и вообще делал все, что ему говорили. Основную работу проводили Тим и Серж, по крайней мере, на уровне психологических экспериментов. Анализами и медицинскими обследованиями занимались Иные. Низший переносил все с терпением стойка и ангельской кротостью.

– Костя, нас больше всего интересует, как ты мог сделать свой отряд невидимым, и почему мы не могли найти тебя самого? – спросил Серж.

– А нас, правда, не было видно? – весело поинтересовался Костя.

– Не было.

– Я знал, что меня можно выследить по повышенному эмоциональному фону. Иные в колледже просветили. Я ляпнул как-то, что все равно не буду им служить, убегу. А они сказали: «Не убежишь. Беглец нервничает – следовательно, светится. В два счета найдут». Значит надо быть абсолютно спокойным. Когда я собирался идти в Управление резервациями, я просто сел и попытался внушить себе, что ничего незаконного не делаю, что все нормально и что воля Высших для меня закон. Мысль о побеге была отодвинута куда-то далеко на периферию сознания. Возможно, ее бы не обнаружили даже при сканировании. Я сам об этом почти забыл.

- Как ты хотел бежать?
- Не знаю. У меня не было плана. Возможно, из аэропорта, уже в Канаде. Там ведь еще дойти надо до второго самолета.
- В Канаде? Значит ты не знал, что в карточке не был указал пункт назначения?
- Конечно, нет. Как бы я мог это прочесть?
- Так. Костя, не договариваешь, – Тим внимательно посмотрел на него.
- Я очень хотел, чтобы он не был указан. Молился про себя, еще когда отец писал разрешение: «Хоть бы он не указал Сейби!» Но не думаю, чтобы это могло реально повлиять на результат.
- Как знать! Мы еще исследуем это вопрос. А насчет отряда?
- Вы будете смеяться. Я каждый вечер проводил с ними особый обряд, похожий на языческий. Пел им под гитару, потом мы пили круговую чашу. С водой. Вина у нас не было. Потом опять песня. Мне кажется, я вводил их в состояние транса.
- А почему они не волновались? Нельзя же все время находиться в трансе.
- Я убедил их, что обладаю особой силой, и они находятся под моей защитой. И что я не совсем homo naturalis, но и не Иной. Я – нечто другое и пришел спасти их и освободить из-под власти Иных и Высших.
- А ведь ты почти угадал, спаситель! – рассмеялся Серж. – Как раз вчера мы обсуждали вопрос, не отнести ли тебя к другому виду по результатам генетических и медицинских исследований.
- Ну и как?
- Название придумали.
- И, как я теперь называюсь?
- Homo passionis. Человек страстный. Правда, мы пока не решили вид это или подвид homo naturalis. Впереди еще серия психологических тестов.
- Значит еще не все, товаби?
- Нет, пока.
- Тогда у меня одна просьба, товаби. Я понимаю, что я не заслуживаю, но все же...
- Да? – Тим внимательно посмотрел на него.
- Можно мне дать книг для низших, а то я просто с ума схожу в этом белом ящике!
- Что бы ты хотел почитать?
- Философия. История. Что-нибудь серьезное и, желательно, изданное до начала периода Великих Изменений, еще при власти людей.
- Так! – скомандовал Тим. – Садись, будем дальше разговаривать.
- Да, товаби. Я попросил, что-нибудь запредельное?
- Не в том дело. Во-первых, почему не заслуживаешь?
- Я же бунтовщик, преступник.
- Ты с нашей точки зрения преступник. Объясни с твоей точки зрения.
- Из-за меня погибло столько людей, товаби! Что же тут непонятного?
- Совесть, значит, замучила? – усмехнулся Тим. – Так мы же людей убивали. Ты – в основном Иных.
- Я поступил неразумно. Так вам понятнее?
- Почему неразумно?
- Когда в колледже я изучал историю, нам пытались внушить, что вся история человечества – это череда глупостей и преступлений, потому что homo naturalis не способны управлять собой сами. Любое построенное ими общество – это либо бардак, либо ад. Я не верил. Считал, что это клевета Иных и Высших на человеческий род. И я решил сделать так, чтобы люди управляли людьми, без Иных. Сначала все шло, в общем, неплохо, кроме отдельных эксцессов. Так мелочь. Если людям что-то не нравилось в моем отряде, я никого не держал.

Они могли уйти. Но, чем больше ко мне присоединялось сторонников, тем больше становилось склок, скандалов и борьбы за власть. И наверх лезли далеко не самые способные, скорее самые пробивные, самые наглые и беспринципные, и я ничего не мог с этим поделать. А когда меня ранили, началось самое отвратительное. Пока еще шепотом, по углам, они обсуждали, кто наследует мою власть, интриговали, обманывали, враждовали, объединялись в группировки. «Боже!» – думал я. – «Мы же все завтра погибнем». Я слишком долго прожил среди Иных и Высших и никогда раньше этого не видел. Даже Иные и Высшие с латентными генами так себя не ведут! В том-то и ужас, что вы, сволочи, правы! Не можем мы собою управлять. Хреново получается. Боюсь, что правы. Когда я еще был в сознании, я мог как-то контролировать свой отряд. Но потом! Я не уверен, что дело не дошло до поножовщины.

– Ты не совсем справедлив к ним. С тобой осталось более пятидесяти человек, хотя они могли уйти, – заметил Тим.

– Ну, и какой смысл? Максимум, на что мы способны – это красивые жесты! Достоинно умереть. Но достойно жить – никогда. Поэтому последний месяц я упорно пытаюсь исправиться, товаби. Я вас ни разу не послушался?

– Нет, – протянул Тим, а в душе ему хотелось крикнуть: «Не верю!» И это бывший вождь повстанцев? Послушный, как ягненок, и «товаби» через каждое слово? Волк в овечьей шкуре или овечка, попытавшаяся стать волком? Не верю! Он просканировал ему сознание и поверил.

– А книги для того, чтобы убедиться в бессмысленности человеческой истории, даже описанной с точки зрения людей?

– Да, товаби.

– Будут тебе книги. Костя, нужно что-нибудь еще?

– Да, если нетрудно. Там очень белые стены в комнате. Нельзя ли чем-нибудь украсить? Картина или панно.

– Можно.

На следующий день Тим пошел в местный художественный салон и выбрал для Кости картину. Попросил, чтобы художник был обязательно низшим, чтобы Косте было понятно. Но совсем уж примитивщину брать очень не хотелось, и он купил весьма замороченное полотно с большим количеством планет, деревьев, паутин и храмов, причем все в одном месте. Но сочетание цветов хорошее и перспектива есть. Для интерьера сойдет.

Косте картина понравилась.

– Тим, ты не представляешь, как я тебе благодарен! Слушай, у меня к тебе еще одна просьба. Даже две.

– Что, канделябр, ковер, шкаф красного дерева?

Тим брезгливо осматривал комнату. В углу уже образовалась гора старых пыльных книг. И он подумал, что все их содержание можно было бы уместить на одной магнитной карточке и прочитать за час.

– Нет. Гитару. Я, правда, не повешусь на струне.

– Верю. Ладно. А вторая просьба?

– Тим, когда вы закончите серию экспериментов, ты предупреди меня об остановке сердца дня за три, хорошо?

– Ваши древние считали, что внезапная смерть – самая лучшая.

– Да плевать мне на древних! Я хочу морально подготовиться, чтобы умереть, как человек, понимаешь?

– Хорошо.

– И другим скажи. Ну, если не ты будешь этим заниматься.

– Скажу.

– Спасибо, товаби.

Предположение о том, что *Homo passionaris* представляют собой отдельный вид, не подтвердилось. Все же основные характеристики были такими же, как у обычных *Homo naturalis*. Воспринимать и изменять электромагнитные сигналы Костя не мог. Хотя очень старался во время таких экспериментов, но потом смотрел на Высших извиняющимся взглядом и разводил руками. Воспринимал он только короткий промежуток длин волн, называемый по традиции видимым светом. Механизм регенерации у него работал плохо, как у низших. Да в этом Тим уже убедился, когда лечил его рану. Все же эксперимент повторили, сделав ему небольшой надрез на руке и последив за заживлением. Без обезболивания для чистоты эксперимента. Костя только укоризненно посмотрел на Тима.

– Что, очень больно? – поинтересовался тот.

– Да, нет. В лесу было гораздо больнее. Просто... не вижу смысла. Все же ясно.

– Многие открытия не были сделаны только потому, что экспериментаторы не проводили до конца все серии экспериментов, – заметил Тим. – А потом, где-нибудь на другом конце мира, находился более прилежный ученый и делал это открытие исключительно в силу своего прилежания. Так что первым оставалось только кусать себе локти.

Проверили реакцию на ожоги. С тем же результатом.

– Это последний такой эксперимент, – успокоил Тим.

– Давайте подводить итоги, – начал Серж, когда Высшие собрались на консилиум. – Регенерации никакой, иммунитет слабенький, телепатических способностей никаких – *homo naturalis*. Зря парня мучили.

– А генетический анализ забываешь? – возразил Тим. – Он же наполовину Иной.

– Значит не на ту половину.

– Телепатических способностей никаких, говоришь? А как он подчиняет себе людей? Как он вводит в состояние транса целые армии? Как он сам контролирует собственный эмоциональный уровень, наконец?

– Это не телепатия. Гипноз и самовнушение. Эта способность и раньше встречалась среди низших. Правда, редко. И не с такой силой.

– Вот именно. А поведенческие особенности? Склонность к рискованным и самоубийственным поступкам. Между прочим, они для них, для всех характерны.

– Я и не говорю о том, что эта группа никак не должна быть выделена, – смирился Серж. – Но это не вид. Скорее подвид *homo naturalis*.

На этом и остановились: «*Homo passionaris* является подвидом *homo naturalis* отличающимся нестандартным поведением, более высоким, чем в среднем по *homo naturalis*, уровнем интеллекта, а также способностью к гипнозу низших и требует к себе особого отношения. Возможно, следует подумать об особом статусе этого подвида в социальной структуре общества».

– Теперь мы должны остановить ему сердце, – подытожил Серж. – Он нам больше не нужен.

– Он просил предупредить его за три дня.

– Хорошо, три дня нас не устроят. Пойди скажи ему.

Тим вышел во внутренний двор, где в это время Косте было позволено дышать свежим воздухом. Представитель подвида *homo passionaris* сидел на низкой ступеньке у стены и рассеянно перебирал гитарные струны. Больше ничего во дворе не было. Только белый камень. Голые стены.

– Привет, Тим! – крикнул Костя, а потом посмотрел Высшему в глаза. Жест открытости. – Слушай, а мне нельзя увидеться с братом? Я с ним даже не простился.

– Нет. Здесь секретный объект. Игоря сюда не пустят. Только когда станет Высшим.

– Жаль. Очень хотелось увидеться с ним перед смертью. Тим, как ты думаешь, если здесь посадить цветы, я успею увидеть, как они расцветут? А то очень голо.

– Успеешь, Костя, обязательно. Я тебе обещаю.

Тим больше ничего не сказал. В тот же день он приказал выкопать несколько цветущих розовых кустов и пересадить их во двор. А потом пошел к Сержу.

– Серж, а зачем нам его убивать?

– А зачем он нам нужен?

– Мы не исследовали поведение *homo passionaris* в социуме. По-моему, это может быть очень интересно. Все равно придется решать, что делать с представителями этого подвида.

– Ты предлагаешь его выпустить?

– Нет, конечно. Сначала попытаться установить жесткий контроль. Вести.

– Тим, и так ясно, что он очень плохо управляем. К тому же очень опасен.

– Опасен? Мы три месяца над ним измываемся, а он нам ни разу грубого слова не сказал!

– Очень естественная реакция высшего животного. Он же понимает, что, если будет плохо себя вести, это приведет только к ухудшению условий содержания. А он, судя по всему, тяжело переносит неволю. А так ты ему картину подарил, книгами завалил, гитару дал, а теперь еще эти розы! Доживет последние дни в относительном комфорте. У тебя кто-нибудь из подопытных животных вида *homo naturalis* содержался когда-нибудь в таких условиях?

– Ты и про розы знаешь?

– Знаю. Тим, тебе не кажется, что он может гипнотизировать не только низших?

– Ну, что ты. Я прекрасно помню, что я делал и зачем.

– И зачем ты это делал?

– Чтобы он зря не страдал. Это не нужно. И я хочу продолжить эксперимент. Под мою ответственность.

– Хорошо, под твою ответственность. Но ты очень рискуешь.

Тим вышел во двор, а теперь сад. Костя сидел в обнимку с гитарой и любовался розами. При приближении Высшего, он поднял голову.

– Ничего не говори, Тим. Я все понял. Завтра? Послезавтра? Ты ведь вчера приходил предупредить меня. Недаром розы уже распустившиеся. Чтобы я успел посмотреть.

Тим подошел к Косте и сел с ним рядом на ступеньку.

– Я тебя выторговал. Под свою ответственность. Ты уж не подведи.

– Хочешь, я тебе спою. Я понимаю, что тебе неинтересно, но ты просто посиди и сделай вид, что слушаешь. Только старые песни, к сожалению. Здесь не пишется.

Тим потом рассказывал, что Костя пел очень хорошо, даже по нашим меркам. Все равно, конечно, медленное искусство, искусство низших. Но можно настроить восприятие. Слушаем же мы птиц.

– У тебя слова сложноватые для *homo naturalis*, – заметил Тим. – Ты уверен, что твои слушатели тебя понимают?

– Не знаю. Может быть, на музыку ведутся или на голос, на манеру исполнения. Но им нравится. Тим, я теперь всегда буду здесь жить, в тюрьме?

– Это не тюрьма, это институт.

– Неважно.

– Поглядим.

Установлением жесткого контроля над сознанием Кости занимался в основном Тим. По его словам, получалось. Низший слушался и быстро реагировал на посылаемые ему мысленные команды. Несколько раз ему сканировали мозг. Никакой агрессии.

– Даже лучше, чем я думал, – заключил Тим.

Почти через год, весной, Костя обнаружил себя в саду в руке с только что срезанной любимой розой. Рядом стоял Тим. Костя обернулся.

– Ты заставил меня это сделать?

– Почему ты так решил?

– Я не совсем понимаю, зачем я ее срезал.

– Это последний экзамен. Завтра ты выходишь на свободу.
– Здорово. Только это очень неприятно. Ты все, что угодно можешь заставить меня сделать?
– Я не собираюсь насилловать твой мозг без большой необходимости.
– И на том спасибо.
– Жить будешь в доме рядом с институтом. Из города пока никуда выходить нельзя. И каждую пятницу вечером ко мне, поговорим.
– Сканирование сознания?
– Да.
– Что ж, так редко? Может быть, каждый день после завтрака, обеда и ужина?
– Слишком обременительно. И вообще, мне не нравится, как ты со мной разговариваешь. Тим просканировал ему сознание. Да нет, ничего. Просто обида. Пройдет.
– Простите меня, товаби. Я забылся.
Тим подошел к нему и взял за руку.
– Я не заставлю тебя сделать ничего ужасного, не беспокойся. Но с организацией бунтов будут сложности.

Костя улыбнулся.

– Какие уж тут бунты!

– Кстати, в твоём новом доме оборудована студия.

– Спасибо, товаби, – кажется, Костя, наконец, по-настоящему обрадовался.

Когда они уходили из сада, роза упала на землю, и Костя случайно наступил на нее ногой.

Шло время. Костя пользовался большим успехом: собирал целые концертные залы. Скоро диски с его записями попали на материк и продолжили по нему победное шествие. Если бы Костя родился до периода Изменений, он бы, наверное, давно стал миллионером. Но теперь низшие не имеют права владеть собственностью. Как и мы, Иные. Все принадлежит Высшим. Номо naturalis только пользуются имуществом. Мы пользуемся и распоряжаемся, пока это не противоречит воле Высших. Но Косте, кажется, и не нужно было ничего, кроме его студии и маленького дома, почти, как Иному. А, если бы понадобилось, Тим бы ему дал, и канделябр, и ковер, и шкаф красного дерева.

Тим продолжал работать в Институте Контроля Сознания. Занимался подвидом homo passionaris, курировал направление. Работы было много. Во избежание возможных неприятностей, homo passionaris решили изолировать. Всех. Вплоть до установления жесткого контроля над сознанием. Отправляли, в основном, на Сейби. В результате времени у Высшего катастрофически не хватало, и он разрешил Косте приходить на сканирование не чаще раза в месяц, правда, иногда заходил сам послушать, как Костя репетирует и заодно «поговорить».

Нареканий у него на Костю не было, за исключением двух случаев. Первый произошел буквально через несколько дней после того, как Костю выпустили на свободу. Тим решил проверить контроль и заставить сделать своего подопечного какую-то сущую мелочь, но не нашел его. Номо passionaris исчез. Тогда Тим немедленно оставил все свои дела и пошел к нему. Позвонил. Костя открыл, как ни в чем не бывало.

– Так, ты здесь.

– Конечно, товаби, проходите.

В комнате на диване лежала гитара, на столе горели свечи.

– Чем ты здесь занимаешься?

– Ничем. Я сочинял песню. Товаби, в чем я провинился?

– Ты вышел из-под контроля.

– Я не хотел, Тим! Я вовсе этого не добивался. Просто, когда я пишу, я как-то по— другому себя чувствую.

– Транс?

– Да. Но я не могу не писать! Лучше тогда сразу убей меня!

– Успокойся. Ты можешь отследить у себя это состояние?

– Да. Тим, я ничего больше не могу делать, когда я сочиняю! Я вовсе не опасен.

– Давай так договоримся. Ты дописываешь очередную песню, выходишь из состояния транса и сразу звонишь мне. Просто сообщаем, что ты никуда не делся, чтобы я зря тебя не искал. Пойдет?

– Пойдет.

Костя до смерти обрадовался, что его не собираются запихивать обратно в «белую мыльницу».

Второй случай был, пожалуй, серьезнее. Тогда исчез целый концертный зал, в котором выступал Константин, прямо во время выступления. Коллективное состояние транса. После концерта Костя сразу позвонил Тиму и сказал, что он дома, никуда не делся, и что во время выступления он «вылетел», и что это был лучший его концерт. Тим его простил.

Прошло еще семь лет. Костя давал концерты, выпускал диски. Имя Константина Поплавского стало очень известным, но, несмотря на это, права покидать город, или, тем более, остров он не имел. А на секретный объект посторонних не допускали. Так что Костя, думаю, очень недооценивал степень своей известности. На Сейби у него было всего несколько сотен постоянных слушателей, готовых носить его на руках. В буквальном смысле. Тим очень активно это пресекал. Такое почтение низшему со стороны других низших – нельзя! Костя не обижался. «Конечно, нельзя, товаби. Я всего лишь homo naturalis. Я и сам им не позволю». Однако позволял. В конце концов, Высший смирился.

Тим продолжал заниматься своими исследованиями. За последние годы он пришел к выводу, что homo passionaris вполне могут жить в обществе, но должны постоянно находиться под контролем Высшего. Именно Высшего, а не Иного. С Иными у них обнаружилась очень плохая психологическая совместимость. А проще говоря, полное взаимонепонимание. Homo passionaris воспринимал Иного как жуткого мелочного тирана, который может остановить сердце в любой момент, причем совершенно ни за что, а Иной homo passionaris как обузу, которую на него повесили, совершенно хаотическое и неуправляемое существо, которому спокойнее всего остановить сердце и чем быстрее, тем лучше. Поэтому Тим запретил своим Иным убивать homo passionaris без его позволения. Скоро его примеру последовали другие Высшие. Право на убийство homo passionaris стало исключительным правом Высших. С Высшими же отношения представителей нового подвида складывались значительно лучше. С товаби они были куда послушнее и чувствовали себя комфортнее. Использовать homo passionaris в качестве домашних слуг крайне не рекомендовалось. Это занятие не для них. Они должны были стать помощниками Высших или заниматься искусством для homo naturalis. К этому у них часто обнаруживались способности. Тим даже считал, что homo passionaris стоит давать образование. То есть представитель нового подвида должны были занять в обществе промежуточное положение между homo naturalis и Иными, хотя, в основном, их права совпадали с правами низших. Но пока все это оставалось на магнитных карточках. Тим не решился выпустить на свободу больше никого из своих homo passionaris, хотя собирался это сделать и активно вел подготовительные работы. На свободе (относительной) пока был только один homo passionaris – Константин Поплавский. И Тим все меньше занимался его контролем. Наконец, он разрешил ему приходить на сканирование раз в год, как обычному homo naturalis, и это было первой его ошибкой.

Это случилось в последний год этого мирного и, наверное, самого лучшего периода бурной Костиной жизни. Тим заехал к нему неожиданно, послушать репетицию, и провел сканирование. Результаты оказались не очень утешительными.

Косте было плохо в городе. Он чувствовал себя запертым, ему хотелось вырваться. А еще лучше вырваться с острова. Куда-нибудь подальше. Он мечтал о скитаниях, горных реках и далеких лесах.

Костя умоляюще смотрел на товаби. Знал, что его поймали.

– Тим, ради бога, не надо в белую мыльницу!

– Не буду. Так, по острову гулять я тебе разрешу. Других мест пока не обещаю. Но через год станет Высшим твой брат. Он давно хочет с тобой увидеться. Думаю, первое время у него не будет серьезных дел, и он тебя повозит. Я тогда тебя ему передам. Под контроль.

– Спасибо, товаби.

– Но, на сканирование хорошо бы опять каждую неделю. Жаль, времени у меня нет. Давай каждые две недели: в начале месяца ко мне, а в конце – к Сержу.

– Тим! Не надо к Сержу!

– Почему?

– Я его боюсь. Он же тоже имеет право меня убить. Вдруг найдет что-нибудь! Ты-то еще подумаешь, а он без разговоров остановит мне сердце.

– Ладно. Ко мне раз в месяц. Сейчас напишу тебе пропуск по острову.

И Тим передал ему магнитную карточку с разрешением. Это было его второй ошибкой.

Недели через три Костя позвонил ему после очередного концерта и сказал, что все в порядке. Тим, привыкший к Костиной дисциплинированности, не стал проверять, откуда звонок. Высший занимался своей работой в Институте Контроля Сознания, и ему было не до Кости. А потом homo passionaris не явился на сканирование. Это было его первое нарушение такой степени серьезности. Тиму это крайне не понравилось. Он мысленно поискал своего подопечного. Пусто. «Сочиняет», – решил Высший и позвонил ему по телефону. Никого нет. Поехал. Дверь Костиного дома была закрыта. На звонки никто не отвечал. Тим заявил в полицию.

«Вы очень поздно к нам обратились, ваби, – помыслил для него начальник полиции острова Сейби, Иной. – Константина Поплавского никто не видел с момента его последнего концерта. Но мы считали, что вы лучше осведомлены о местонахождении вашего дери, и не стали вас беспокоить, зная вашу занятость».

«Дери» – обращение высшего к низшему тогда только начало входить в обиход и часто употреблялось для обозначения homo naturalis подчиненных данному Иному или Иных, находящихся в ведении того или иного Высшего (хотя и сейчас распространено такое словоупотребление).

«Что вам еще известно?» – поинтересовался Тим.

«Исчезло еще двенадцать человек. Все homo naturalis. Об исчезновении заявили их ваби, которые почему-то не смогли найти их самостоятельно, что очень странно. Все эти низшие ушли на концерт Константина Поплавского. После этого их никто не видел. Есть еще один интересный момент. В день концерта кто-то угнал катер местных рыбаков. Они пожаловались своему ваби. Тот долго пытался сам найти преступников, но тщетно. Беглецы не светились. Возможно, они погибли».

Погибли? Как бы не так! Все это слишком напоминало историю восьмилетней давности. «Значит, эта сволочь звонила мне уже с побережья!» – подумал про себя Тим.

«Кстати, ваби, – заметил полицейский. – Иной, у дери которого угнали катер, это Эдмон Брийош. Он, кажется ваш дери».

Это было уже забавно. Высший улыбнулся. Все имущество принадлежит Высшим. Иные распоряжаются имуществом своего ваби по его поручению и передают его в пользование низшим. Эдмон Брийош подчинялся Тиму. У рыбаков Эдмона угнали катер. Следовательно, Костя угнал катер своего товаби, то есть Тима. «Интересно, знал ли Костя, чье имущество крадет?»

– подумал Тим. За одно это можно остановить сердце. В том, что все это – проделки его подопечного, Тим не сомневался ни на минуту.

«Спасибо, – помыслил Высший. – Попробуйте хотя бы найти катер».

Катер нашли через два дня на побережье Канады. Но он был пуст.

Ни о Косте, ни о его сообщниках почти год не было никаких известий. За это время Тима отстранили от руководства проектом. Он воспринял это, как должное. Да, конечно, он совершил ошибку. Не должен был предоставлять такому опасному низшему, как Константин, столько свободы. Вообще не должен был выпускать его из института, так же, как остальных представителей этого подвида. Тима упрекали даже в том, что его мягкое отношение к Константину объяснялось их родственными связями. Конечно, эти упреки исходили от низших, завидовавших своему собрату, вырвавшемуся на свободу. Ни Иному, ни Высшему никогда бы не пришли в голову столь абсурдные обвинения. Я могу засвидетельствовать вместе с Сержем, что Тим никогда не помнил, что Костя приходится ему двоюродным племянником. Что он – хороший музыкант – да, что редкий представитель нового подвида *homo passionaris* – да, но то, что родственник – никогда! Это просто не принималось во внимание.

В апреле следующего года Серж позвал Тима к себе.

Не говоря ни слова, он взял со стола лазерный диск и вставил его в проигрыватель. Комнату заполнил Костин голос. Песни были новыми, Тим никогда раньше их не слышал. И все о свободе. Слишком о свободе. В некоторых содержались прямые призывы к бунту.

«Твой Костя – очень хороший актер, – заметил Серж. – И сам верит тому, что играет. Сначала он изображал вождя бунтовщиков, потом послушного *homo naturalis*, кающегося грешника, разочаровавшегося в людях, дальше – знаменитого музыканта, не интересующегося ничем, кроме своего творчества. И ты ему все время верил. Он тебе что угодно сыграет. Любую роль, которая покажется ему подходящей на данный момент. Теперь у него новое амплуа».

Тим посмотрел футляр от диска. «*Homo liberalis*» – человек свободный. Имени автора и исполнителя указано не было. Вообще никаких выходных данных. Пиратская копия. Пел Костя по-английски. И это был не первый его диск на этом языке. Английский – основной язык острова Сейби.

«Знаешь, как он ко мне попал?» – помыслил Серж.

«Как?»

«Отобрал у своего слуги. Между прочим, есть еще и русская версия».

«Ну, теперь мы его найдем».

«Надеюсь. Полиция уже выясняет, где их производили».

Усилия полиции не понадобились. Нашли раньше. Буквально через десять дней пришло сообщение от одного из Иных из центральной части Канады. Один из его дери, местный музыкант Луис Стоун, почему-то начал очень волноваться. Светился, как беглец. И ваби пригласил его на сканирование на несколько месяцев раньше срока. Выяснилось, что он помогал записывать диски Константину Поплавскому и предоставил ему свою студию. Пока Костя жил у него, он прикрывал своего помощника, и они не были видны. Но Поплавский записал два диска и уехал в неизвестном направлении, и Иной сразу вычислил Луиса. Выкачав из него всю информацию, Иной остановил ему сердце.

«И правильно сделал, – заметил Серж. – Низший, послушавшийся Иного или Высшего, теряет право на жизнь. И твоему Косте нужно было остановить сердце девять лет назад».

Тим ничего не ответил.

Отчет канадского ваби о сканировании Луиса Стоуна был очень подробным и весьма помог поискам. Уже на следующий день по всей Канаде висели портреты Кости и его сообщников, а Иные проводили тотальное сканирование сознания всех местных *homo naturalis*, особенно в районе города, где выпускали диски. Информацию собирали по крупицам, анализировали и обобщали. Приют беглецов обнаружили через две недели. Это оказалась совершенно

новая деревня из пяти срубов, явно построенная за последний год и расположенная глубоко в лесу к северу от Великих озер.

Но, когда Высшие вошли в нее, там уже никого не было. На столе в одной из изб Тим нашел придавленную булыжником записку:

«Тим, умоляю, оставь нас в покое! Мы никому не причиним зла. Мы только хотим быть свободными!

Константин».

«И после "Homo liberalis" он еще смеет о чем-то просить?» – помыслил Серж.

Тим молчал.

Маленький отряд был обнаружен в лесу еще спустя сутки. Выследили с вертолетов. Обстреляли. Но без особого успеха. Здесь у повстанцев были выстроены укрепления с окопами и подземными укрытиями, и взять их оказалось не такой уж простой задачей. Что ж, это только несколько отсрочивало результат. Позади у них лежало обширное болото. Отступать некуда. Однако болото на всякий случай оцепили. Бунтовщики могли знать тайную тропу.

Серж обратился к Косте по радио и предложил сдаться.

– Константин, в данной ситуации это наиболее разумный выход. Я обещаю сохранить жизнь твоим людям.

Но ответа не последовало.

Осада продлилась недолго. Все-таки у Кости было очень мало сторонников. Утром укрепления взяли. Но повстанцы уже покинули их. Ушли по болотной тропе. Оставалось только ждать. С болота им некуда было деться. Но двое суток оттуда никто не выходил. И Высшие уже решили, что они погибли, когда на связь с Сержем по рации вышел Костя.

– Твое предложение еще в силе насчет жизней моих людей?

– Да.

– У меня еще одна просьба. В отряде много раненых. Обещай, что ты вылечишь всех. Всех, понимаешь, как бы рана ни была безнадежна. Тогда я сдамся.

– Костя, не смей торговаться! Мы сейчас тебя вычислим по пеленгу.

– Только меня там уже не будет!

И связь прервалась.

Как выяснилось, Костя говорил не с болота. Каким-то чудом ему удалось просочиться через кордон. Место, с которого он вышел на связь, оказалось заурядной поляной, и там, конечно, уже никого не было. Через несколько часов Костя снова с ними связался.

– Ну, что, Серж? Вы так до скончания века будете за мною бегать? Принимаете мои условия?

– Хорошо, выходи.

– Ты вылечишь раненых?

– Да.

– И никто не будет убит?

– И никто из твоих людей не будет убит. Всем им будет сохранена жизнь. Я держу слово, ты это прекрасно знаешь.

– Ждите.

– Серж, ты уверен, что поступаешь правильно? – спросил Тим. – Ты же сам сказал, что они потеряли право на жизнь.

– Без Кости они не опасны. А право да, потеряли. То, что я сейчас делаю – это милость.

Прошло менее часа. Костю заметили только, когда он уже подходил к лагерю, спокойно, не спеша. У него не было оружия. Он подошел к Сержу и встал напротив него. Увидел рядом с ним Тима. Небрежно бросил:

– Здравствуй, Тим.

– Наручники! – скомандовал Серж.

И на запястьях у Кости сомкнулись и шелкнули браслеты. Низший равнодушно посмотрел на них.

– Серж, ты помнишь про три дня? – спросил он.

– Помню, сегодня девятнадцатое мая. Где остальные?

– На острове, на болоте.

– Так вы и не выходили оттуда?

– Конечно. Как бы мы вынесли раненых по трясине? Пробрался я один. Чтобы сбить вас со следа.

– Много у тебя раненых?

– Все.

– Ты проведешь нас на остров?

– Лучше на вертолете.

Вертолет завис над крошечным клочком сухой земли посреди огромного болота. Тим спустился к раненым и оказал им первую помощь. Потом их подняли на борт. Костя ревниво наблюдал за этим процессом. Чтобы никого не бросили!

Не бросили. Вертолет поднялся над лесом.

– Теперь куда, Тим? – спросил Костя у своего товаби.

Тим отвернулся.

– Серж? – Костя посмотрел на другого Высшего.

– На Сейби.

– Зачем?

– Там лучшие условия для вскрытия. Надо же довести эксперимент до конца.

– Серж, какой ты добрый!

Костя поймал на себе испуганные взгляды своих людей, которые давно уже сочувственно поглядывали на его наручники.

– Все в порядке, ребята. Вам сохраняют жизнь, – тихо сказал он.

А потом обратился к Сержу.

– Слушай, у меня к тебе одна просьба.

– Ковер? Канделябр? Шкаф красного дерева?

– Не успею насладиться, – улыбнулся Костя. – Нет, другое. Я сейчас не хочу говорить, при ребятах. Мы ведь с тобой еще встретимся до того, как?..

– Еще как встретимся!

Это произошло на Сейби сразу в день возвращения Кости. Его привели в маленькую комнату с белыми стенами. Посадили на железный стул, приковав к нему наручниками. Напротив, справа и слева сели Тим и Серж.

– Тим, я хотел бы с тобой поговорить, – начал Костя.

– Не сейчас, – ответил за него Серж. – Мы тебя не за этим пригласили. Помалкивай и сиди смирно.

Тим и Серж начали сканирование. Глубокое. Вдвоем. Одновременно. Через минуту Костя схватился за голову свободной левой рукой и застонал. Из носа у него пошла кровь.

– Что это? – прошептал он.

– Помолчи! – прикрикнул Серж.

Операцию не прекратили. Спокойно и слаженно довели до конца менее чем за час. Только тогда Костю отпустила боль, и он смог поднять голову. Вся одежда и пол около него были закапаны кровью.

– Серж! Что вы со мной сделали?

– Ничего особенного. Глубокое сканирование.

– Сканирование?

– Да, сканирование обычно безболезненная операция. Но, если его проводят несколько Высших одновременно, причем глубоко, это может вызвать головную боль и носовые кровотечения. В данном случае это было совершенно необходимо.

– Зачем?

– Чтобы получить наиболее полную информацию.

– Я бы вам сам все рассказал.

– Очень хорошо. Расскажешь. Твой рассказ тоже представляет интерес, но не сможет заменить результатов сканирования.

– Не сейчас.

– Хорошо. У нас еще два дня.

Серж встал, подошел к Косте и бросил ему носовой платок.

– Спасибо, товаби.

– О чем ты хотел меня попросить?

– Можно, я поговорю с Тимом?

– Тим не хочет с тобой разговаривать.

– Гневается на меня?

– Высшие не гnevаются.

– Ну, обижается.

– Высшие не обижаются.

– Тогда в чем дело?

– Ему неприятно с тобой общаться. Ты для него – свидетельство его ошибки.

– А-а. Жаль. Лучше бы он гневался. Я бы тогда попросил у него прощения. Подвел я его. Ну, не мог больше в клетке! А «свидетельству ошибки» что просить прощение! – и он выразительно пожал плечами.

Тим встал и вышел из комнаты.

– О чем ты хотел меня попросить? – повторил Серж, когда они остались вдвоем.

– Я хотел тебя попросить не останавливать мне сердце.

– Что???

– Ты не так понял. Я не прошу сохранить мне жизнь. Понимаю, что бесполезно. Нет. Но я хотел бы умереть по-другому.

– Ты исключительно привередлив.

– Все-таки выслушай.

– Да.

– Я хочу почувствовать момент смерти. Чтобы это происходило постепенно, понимаешь? Медленное погружение. Как в океан. Как во тьму. Как во Вселенную. Вы можете сделать так, чтобы эффект был, как от большой дозы морфия?

– Да.

– И я хочу, чтобы это сделал Тим. В конце концов, это его обязанность, как товаби. Скажи Тиму. Ему не впервой усыплять белых лабораторных крыс. Думаю, он мне не откажет.

– Какая тебе разница? Ты все равно не поймешь, кто это сделал.

– Глупое желание глупого homo naturalis.

– Ладно, я ему передам, но ничего не гарантирую.

– И на том спасибо.

– Да, у меня для тебя новость. С тобой хочет проститься твой брат.

– Игорь? Он теперь Высший?

– Стал совсем недавно. Завтра он будет здесь.

Костя сидел в саду. Том самом, куда девять лет назад Тим приказал пересадить розовые кусты. Розы очень разрослись за эти годы и были хорошо ухожены. Тим приставил к ним садовника. А у белой каменной стены даже появилась золотистая деревянная лавочка. Эту лавочку

и облюбовал Костя. Все, как девять лет назад. Почти. Только гитары у него теперь не было. Да он и не просил. Какие-то два дня!

Игорь подошел к брату и сел рядом. Он не знал, что сказать. За девять с половиной лет они успели стать чужими. Да, Игорь мог бы просканировать ему сознание и точно узнать, что хочет его брат, о чем он сейчас думает и совершенно безошибочно выбрать тон и направление разговора. Но он не хотел.

– А ты ничего не говори, Игорь, – ответил Костя на его мысли. – Я буду говорить. А ты просто слушай, как слушал когда-то мои песни. О моем первом побеге и восстании ты знаешь. Мне до сих пор больно об этом вспоминать. Я погубил столько людей. Я увел их за собой к смерти, а сам единственный остался жив. Как же тяжело мне было с этим жить! Тим бы меня понял. Я знаю историю о том, как он стал Высшим. Он сам мне рассказал. Не веришь? Он мне много, чего рассказывал. Но еще тяжелее памяти была несвобода. Абсолютная несвобода! Ты даже не в состоянии понять, что это такое. Я чувствовал себя куклой на веревочке, безвольной игрушкой. А за веревочки дергал Тим. Нет, я ему очень благодарен. Передай ему это! Он подарил мне лишних девять лет жизни. Точнее отсрочил мою смерть на девять лет. Все-таки тридцать один год – это не двадцать два. Спасибо! Это были не такие уж плохие годы. Тогда я научился быть свободным несмотря ни на что. Я сочинял песню, и они не видели меня. Веревочки рвались, кукла оживала и вставала во весь рост. Только тогда я жил по-настоящему! Но вдохновение проходило, и я возвращался в свою тюрьму. Теперь она была больше и комфортабельней и называлась «город». А другие такие же заключенные слушали мои песни и сходили от них с ума. Я не выдержал, мне захотелось настоящей свободы. С лесами, полями и реками. Настоящими, а не из фантазий и воспоминаний. Тим пожалел меня и разрешил путешествовать по острову. Ты не поверишь, конечно. Но тогда я был так ему благодарен, что дал себе слово, что не убегу. У меня теперь все было: и реки, и леса, и поля, и даже море. Но Сейби – слишком маленький остров. Все повторяется. Слишком тесно. И я нарушил собственное слово. С двенадцатью моими фанатами после концерта мы украли Тимов катер. Я знал, что по закону это его катер. Ты уж попроси у него от меня прощение за кражу. Но мы иначе не могли бежать. Через сутки мы были в Канаде. Вот она, настоящая свобода! Мы шли по лесу. Над нами плыло синее небо и ветви сосен с длинными иглами. А потом мы строили избы из золотых стволов, и наступила зима с зелеными лапами елей на сияющем белом снегу. Я никогда не был так счастлив! Наверное, мы продержались бы долго, если бы черт не дернул меня путешествовать. Я получил свободу, но мне нужен был весь мир! Хотя, конечно, какой там мир! Полететь на другой материк я не мог. Меня бы задержали на контроле в аэропорту. «Твою карточку, дери. Что, "Сейби"? Что же ты тут делаешь? Ах, Константин Поплавский! Ты в розыске, дери. Руки! И на Сейби. Передайте дери его товаби. Да, лучше остановить ему сердце». Покидать Канаду мне тоже было нельзя. Арестовали бы на границе примерно по такому же сценарию. Только внутри страны и только на попутках. Я стопил одни грузовики, дальнобойщиков. В легковушке вполне мог быть Высший или Иной. А шоферня все *homo naturalis*.

Почему я застопил ту фуру? Верно, за грехи мои. Хороший такой парень за рулем. Молодой. Белобрысый. Лоб в прыщах. Мальчишка. Разговорились. Он спросил, кто мой ваби, и хороший ли у меня хозяин. А я возьми да и ляпни: «Нет у меня ваби, только товаби. Но, ничего, хороший». Он удивленно посмотрел на меня. «Ты личный слуга Высшего?» Я прикусил язык. Конечно, если я – личный слуга, какого черта таскаюсь по дорогам без хозяина? «Да, нет, – нашелся я. – Я – музыкант, и мой господин иногда отпускает меня путешествовать по стране». «А-а, – поверил тот. – Везет. А я только по маршруту. Музыка – это здорово. У меня есть та-акой диск! Только его в дороге нельзя слушать. Ведет очень». «Это, как?» «А так. Забываешь обо всем. Можно врезаться во что-нибудь, или в кювет уехать. Но мы на стоянке слушаем. Здесь скоро будет бензоколонка, а при ней – ресторанчик. Кстати, в ресторанчике можно будет гитару позаимствовать. Сыграешь?» «С удовольствием».

Остановились у ресторанчика. Шофер мой подогнал фуру к бензоколонке, на заправку, и поставил тот самый диск. И, как ты думаешь, что я услышал? – Себя! А парень откинулся на сиденье и прикрыл глаза. «Ты расслабься, – говорит мне. – Кайф же. Ничего лучшего не слышал. И все ребята у нас от него тащатся. Друг у друга переписывают и взаймы дают. Ты помолчи немножко, послушай!» Я помолчал. Дослушал песню. Мой водитель был явно немного не в себе. Хорошо, что не поставил в дороге. Транс! Я встряхнул его. Наверное, совершенно бесцеремонно. Он посмотрел на меня удивленными глазами. «А слова? – спрашиваю. – Слова какие-то странные. Ты их понимаешь?» «А зачем их понимать. И так драйв!» «Ты извини, – говорю. – Не буду я тебе сегодня петь. Горло болит. Устал очень. Да и тороплюсь я». «А-а, испугался. Конечно! Это же Костя Поплавский! Лучше него не споешь». Как говорить: поймите меня неправильно! Хорошо. Обошлось. Сбежал. Чуть не попался.

От вас сбежал, от Высших, от Иных. От себя не получилось. С того случая запала мне в голову мысль записать мои последние песни, те, что пришли в лесу, уже в Канаде. Целый диск накопился. Скажешь, слушателей захотелось. Славы захотелось. Не вынес отсутствия внимания общественности! Нет, Игорь. Не то! Не к славе я бежал в деревню из пяти домов. На Сейби было куда больше славы. Я хотел только свободы! Но тут я понял, что мои песни нужны. Не мне – людям! И я решил, что мой долг – записать этот чертов диск.

Нашел студию. Парень там был Луис Стоун. Честно говоря, довольно посредственный музыкант. Я решился и спел для него. Он, конечно, узнал мой голос. У него была целая коллекция моих дисков. «Теперь ты меня выдашь?» – спросил я. «Тебя – никогда!» «Тебя ваби будет допрашивать. Это может плохо кончиться.» «Да моему ваби до меня дела нет. Хожу раз в год на сканирование, как на работу. Он даже не смотрит почти. И отпускает, куда угодно. Мотаюсь по всей стране. У меня очень хороший господин. Хорошего господина не должно быть заметно!» Да, а у меня в последнее время был уж слишком заметный господин. Сверх всякой меры!

«Нет, давай я лучше уеду, пока не поздно». «Плюнь! Будем писать диск». «Тогда, может быть, ты подпишешь его своим именем?» «Ну уж нет! Константин Поплавский – он и есть Константин Поплавский, даже, если диск не подписывать. Тебя ни с кем не спутаешь». «Ладно, тогда без подписи». «Договорились. Как назовешь?» «*Homo liberalis*. Человек Свободный». «Здорово!» И записали. Ты, наверное, его слышал. Кстати, Игорь, ты не знаешь, что с ним случилось, с Луисом Стоуном? Теперь неважно, что я называю его имя. Все равно у меня скачали всю информацию. Глубокое сканирование, блин!

– Луису Стоуну остановили сердце. Почти месяц назад, – тихо сказал Игорь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.